

Нежить

Алексей Ник

Aleksey Nik

Нéжить

«Автор»

2026

Nik A.

Нежить / А. Nik — «Автор», 2026

Услава — дочь деревенской знахарки — просыпается на третью ночь после похорон матери и обнаруживает её могилу пустой. Скоро выясняется страшная правда: предки заключили с богиней смерти Мореной кровавый уговор — раз в поколение отдавать ей человеческую жизнь в обмен на защиту от мора. Обряд матери остался незавершённым, и граница между мирами дала трещину. Вместе с другом детства и дружинником из города Услава отправляется в Навий лес, чтобы закрыть дверь, впустившую нежить в родную деревню. Но лёгкого пути нет: чтобы разорвать вековое проклятие навсегда, ей предстоит исцелить старые раны земли, узнать цену молчания старейшин и в итоге заплатить собственной судьбой, став хранительницей границы между живыми и мёртвыми.

© Nik A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Третья ночь	5
Пустая могила	8
Дочь ведьмы	11
Дружинник из города	15
Первая жертва	18
Голос из колодца	20
Дорога в Навий лес	23
Чёрный дуб	26
Знаки на воротах	29
Голос из колодца тьмы	32
Поиски в чаще	34
Тайна старосты	37
Сумерки перед грозой	40
Разговор с хозяйкой границы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Aleksey Nik

Нежить

Третья ночь

Услава сидела на лавке у остывшей печи и считала капли, падавшие с крыши. Дождь шёл третий день подряд, и от этого весь дом пропах сырой землёй и мокрым деревом. Мать всегда говорила, что такой дождь смывает след — и живых, и мёртвых.

— Услава, ты бы поела, — сказала тётка Гостена, ставя на стол миску с кашей. — Со вчерашнего дня крошки во рту не было.

— Не хочу.

— Так нельзя. Мать бы не одобрила.

Услава подняла голову и посмотрела на тётку долгим взглядом. Гостена отвела глаза первой, взялась поправлять платок, хотя поправлять там было нечего.

— Мать умерла три дня назад, — сказала Услава. — Её похоронили вчера. А сегодня ты говоришь мне, чего бы она хотела.

— Я хочу, чтобы ты жила, дитятко. Вот и всё, чего я хочу.

За окном заскрипела калитка. Гостена вздрогнула, быстро подошла к оконцу, отодвинула занавеску из холстины.

— Кто там?

— Ветер, наверное, — ответила Услава, хотя ветра не было. Дождь шёл ровно, без порывов, отвесно.

Гостена постояла ещё немного, вглядываясь в темноту, потом задёрнула занавеску и повернулась.

— Ложись спать. Завтра третья ночь после погребения. Дед Ждан велел никому из дома не выходить.

— Почему именно третья?

— Так заведено. — Гостена не смотрела в глаза. — Спи, Услава.

Услава легла на свою лежанку, но не закрыла глаз. Она слушала, как тётка задвигает засов на двери, как гремит цепью пёс во дворе, как капли всё так же падают с крыши — одна, другая, третья. Считать капли было легче, чем думать о матери в земле, под дождём, в темноте.

Она уснула не сразу, а когда уснула, ей приснилось, будто мать зовёт её с огорода, и голос был совсем такой же, как всегда — тёплый, немного хриловатый от табака-дыма. Услава проснулась резко, будто её толкнули.

Дверь была открыта.

Не распахнута настежь, а именно открыта — на ширину ладони, ровно настолько, чтобы в щель тянуло сырым воздухом с улицы. Засов лежал на полу, целый, не сломанный, просто снятый.

— Тётка Гостена, — позвала Услава шёпотом.

Ответа не было. Лежанка тётки была пуста, одеяло скомкано, будто та вставала второпях.

Услава поднялась, накинула на плечи материнскую душегрейку — единственную вещь матери, которую не отдали в приданое умершим обычаем, — и подошла к двери. За порогом, в жидком лунном свете, пробивавшемся сквозь тучи, стояли мокрые следы. Босые. Ведущие от калитки к дому и обратно, к калитке, а дальше терялись в направлении кладбища.

— Тётка!

Она вышла на крыльцо. Дождь уже почти прекратился, только с застрехи капало. Пёс во дворе не лаял — он лежал, свернувшись у конуры, и не поднял головы, когда Услава прошла мимо. Живой, дышит, но будто спит с открытыми глазами.

Со стороны кладбища донёлся звук — не вой, не крик, а что-то среднее, протяжное и низкое, будто кто-то тянул одну ноту голосом, у которого давно кончился воздух.

Услава замерла у калитки.

— Тётка Гостена, ты меня слышишь?

Никто не ответил. Звук со стороны кладбища смолк так же внезапно, как начался.

Она понимала, что нужно вернуться в дом, разбудить соседей, позвать деда Ждана. Но ноги сами понесли её к тропинке, что вела через выгон к церковному погосту — туда, где вчера закопали мать.

Тропинка была скользкой от глины. Услава шла, придерживаясь за жерди изгороди, и с каждым шагом звук в ушах становился отчётливее — не вой уже, а будто кто-то разгребает землю, скребёт по чему-то твёрдому.

У самой ограды кладбища она увидела тётку Гостену. Та стояла спиной к Усладе, неподвижно, склонив голову, будто разглядывала что-то у своих ног.

— Тётка! — Услава бросилась к ней. — Ты что здесь делаешь, ты меня напугала...

Гостена медленно повернулась. Лицо у неё было спокойное, слишком спокойное, глаза приоткрыты не полностью, будто она спала стоя.

— Она зовёт, — сказала Гостена тихим, ровным голосом, вовсе на неё не похожим. — Слышишь? Зовёт по имени.

— Кто зовёт?

Гостена не ответила, снова повернулась к могиле — свежий холм с деревянным крестом, ещё пахнувший срубленной елью, из которой сколотили крест. Только теперь Услава увидела: холм был разрыт. Не полностью, но с одного края земля осыпалась внутрь, будто что-то толкало её изнутри, а не снаружи.

— Тётка, отойди оттуда.

— Она звала тебя, Услава. Не меня. Тебя.

По спине пробежал холод, не имевший отношения к сырой ночи.

— Кто звал?

Гостена медленно подняла руку и указала на разрытую могилу.

— Мать твоя.

Услава не помнила, как оказалась на коленях у холма. Земля была рыхлая, влажная, легко подавалась под пальцами. Она разгребала её, не думая, что делает, пока не наткнулась на доски гроба. Крышка была сдвинута — не расколота, не сломана, а именно сдвинута, будто изнутри её просто отодвинули в сторону.

Гроб был пуст.

— Тётка, — прошептала Услава, — гроб пустой.

— Знаю, — сказала Гостена тем же чужим, спокойным голосом. — Она встала. Как и обещала.

— Что значит — обещала? Кому обещала?

Гостена посмотрела на неё в первый раз с ясностью в глазах, будто на миг проснулась внутри собственного тела.

— Беги домой, Услава. Пожалуйста. Беги и не оглядывайся.

И тут где-то за спиной, из глубины кладбища, снова раздался тот же протяжный звук — но теперь ближе, и в нём Услава впервые различила что-то похожее на слово. Не разобрать какое, но интонация была узнаваемой — так мать звала её с огорода, когда пора было ужинать.

Услава вскочила, схватила тётку за руку, дёрнула на себя.

— Идём, идём отсюда!

Гостена не сопротивлялась, но и не помогала — шла, как кукла, которую тянут за верёвочку. Они миновали ограду кладбища, вышли на тропинку, и тут звук раздался снова, на этот раз совсем близко, за спиной, там, где заканчивался ряд крестов.

Услава не обернулась. Она тащила тётку за собой, спотыкаясь на скользкой глине, и думала только об одном — не оглядываться, не оглядываться, как в старых сказках, где обернувшийся на зов мёртвого сам становится мёртвым.

Они добежали до дома, когда небо на востоке начало сереть. Услава захлопнула дверь, задвинула засов, привалилась к нему спиной, тяжело дыша.

Гостена опустилась на лавку, обхватила голову руками.

— Что это было, тётка? Скажи мне, что это было?

— Не спрашивай меня, — прошептала Гостена. — Спроси деда Ждана. Он знает про такое. Он всегда знал.

— А ты? Ты знаешь?

Тётка подняла на неё измученные глаза, в которых уже не было той жуткой пустоты, только страх — обычный, человеческий страх.

— Я знаю только то, что твоя мать была не простой знахаркой, Услава. И то, что случилось этой ночью — ещё не конец. Это только начало.

За окном, там, где серело небо над крышами Ольшанки, снова, тише прежнего, донёсся протяжный, зовущий звук — и теперь Услава была уверена: он звал именно её по имени.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Пустая могила

Утром деревню разбудил не петух, а крик.

Кричала Мокрина, жена мельника, — она первой пришла на кладбище прибрать могилу своей матери и увидела разрытый холм над свежим погребением знахарки. Крик разнёсся по улице быстрее, чем любые слова, и уже через четверть часа у ограды толпились люди — кто с вилами, кто просто в исподнем, накинув кожух поверх рубахи.

Услава стояла в задних рядах, у самой изгороди, и слушала, как перешёптываются соседи.

— Пустой гроб, — говорил кто-то. — Своими глазами видал.

— Знахарка встала. Как есть, встала и пошла.

— Не зря она травы такие держала, что и живому человеку не всякие поднять.

— Тише вы. Дочь её рядом стоит.

Услава не отвела глаз, не отвернулась. Она смотрела на разрытую могилу, на брошенную рядом лопату старосты Власа, который приказал раскопать землю до конца, чтобы убедиться — не показалось ли Мокрине спросонья.

— Пусто, — подтвердил Влас, отряхивая руки от глины. — Как есть, пусто.

Он был грузным мужчиной с седой бородой, заплетённой в две косицы по старому обычаю, и говорил медленно, будто каждое слово взвешивал на безмене.

— Куда ж она делась? — спросила Мокрина, всё ещё дрожа. — Мёртвые сами не встают.

— Волки, — сказал кто-то из мужчин. — Разрыли, утащили.

— Волки крышку не сдвигают аккуратно, — возразил другой. — Волки ломают, грызут.

А тут будто открыли и вышли.

Услава шагнула вперёд, к самой яме.

— Дозвольте посмотреть.

Влас посмотрел на неё исподлюбья.

— Тебе там смотреть нечего, девка. Иди домой.

— Это моя мать.

— Была твоя мать. Теперь — либо она где-то бродит непокоем, либо кто-то её тело украл на злое дело. И то, и другое — не твоего ума забота.

— Как это не моего? — Голос у Услады дрогнул, но она не отступила. — Я всю ночь слышала, как она звала меня с кладбища. Своим голосом звала. Тётка Гостена подтвердит.

Толпа зашумела, задвигалась. Гостена, стоявшая рядом с Уславой, побледнела и вцепилась в её рукав.

— Услава, не надо...

— Надо, тётка. Пусть люди знают правду, а не гадают.

Влас сузил глаза, шагнул к Усладе почти вплотную.

— Ты хочешь сказать, девка, что твоя мать восстала из могилы и звала тебя по имени?

— Хочу сказать, что я это слышала. И тётка тоже.

Все повернулись к Гостене. Та мяла в руках край платка, не поднимая глаз.

— Гостена, — сказал Влас, — скажи как есть. Слышала ты что или нет?

— Слышала, — тихо сказала Гостена. — Голос был. Похожий на её голос.

По толпе прошёл ропот, кто-то отступил на шаг назад, кто-то перекрестился по-старому, двумя перстами.

— Нежить, — прошептал кто-то. — Как в дедовы времена.

— Цыц! — рявкнул Влас, и толпа притихла. — Нечего попусту болтать. Мало ли что спросонья почудится ночью на кладбище. Расходитесь по домам, займитесь делом. А ты, — он обернулся к Усладе, — зайди ко мне после полудня. Разговор есть.

— О чём разговор?

— О твоей матери. И о том, что дальше делать.

Услава хотела ещё что-то сказать, но Влас уже отвернулся и пошёл прочь, а следом за ним потянулась и толпа, негромко переговариваясь. Осталась только Гостена, всё ещё держащая Усладу за рукав, и — чуть в стороне, у самой изгороди — Мирко, сын кузнеца.

Он не подходил, стоял, опершись на кол ограды, и смотрел на Усладу так, как смотрят на человека, которому хотят помочь, но не знают, с чего начать. Когда Услава заметила его взгляд, Мирко наконец подошёл.

— Слышал, что случилось, — сказал он. — Прибежал, как только Гостена по деревне закричала.

— Значит, уже вся деревня знает.

— Половина. Вторая половина узнает к обеду. — Мирко посмотрел на разрытую могилу, потом снова на Усладу. — Ты правда слышала её голос?

— Правда.

— И что она звала?

— Не разобрала слов. Но звала так, как всегда звала меня ужинать. Тем же тоном.

Мирко помолчал, потом сказал то, чего Услава от него не ожидала:

— Я тебе верю.

— Даже Влас не поверил толком.

— Влас никому не верит, кроме себя. — Мирко понизил голос. — Знаешь, мой отец говорил как-то, по пьяному делу, что у старосты с этим кладбищем свои счёты. Что-то он про это знает, да молчит.

— Что именно?

— Не знаю. Отец сам не договорил, испугался, что лишнее сболтнул. Но с тех пор я приглядываюсь — Влас каждую весну сюда ходит один, без надобности вроде бы, и подолгу стоит у старых могил, у той части кладбища, где кресты почти сгнили, самые древние.

Услава посмотрела в сторону, о которой говорил Мирко, — в дальний угол погоста, заросший бурьяном, где действительно виднелись покосившиеся, почерневшие от времени кресты, почти неразличимые под мхом.

— Пойдём посмотрим, — сказала она.

— Сейчас? При всех?

— Все уже разошлись.

Гостена, не отпуская рукав Услады, покачала головой.

— Не ходи туда, дитяtko. Не ко времени это.

— А ко времени будет, когда мать снова начнёт звать меня по ночам?

Гостена промолчала, отпустила рукав.

Услава и Мирко пошли вдоль ограды, обходя свежую могилу стороной, к дальнему, заброшенному краю кладбища. Земля здесь была твёрже, не тревожили её лопатой, наверное, уже много лет. Кресты стояли вкривь и вкось, некоторые упали и лежали в траве, полусгнившие.

— Вот, смотри, — сказал Мирко, останавливаясь у одного из холмиков, почти сровнявшегося с землёй. — Тут никакого имени не разобрать. А земля рыхлая, будто копали недавно.

Услава присела, разгребла траву у основания холма. Земля действительно была мягче, чем вокруг, будто её тревожили не так давно, несмотря на то что крест сверху казался столетним.

— Странно, — сказала она. — Крест старый, а земля свежая.

— Может, кто-то подкапывал?

— Или наоборот, — Услава подняла взгляд на Мирко, — кто-то подсыпал новую землю, чтобы скрыть, что здесь давно ничего нет.

Они переглянулись. Мирко опустился на корточки рядом, начал разгребать землю руками, торопливо, без прежней осторожности.

— погоди, — сказала Услава, но Мирко уже наткнулся пальцами на что-то твёрдое.

Он отдернул руку.

— Кость.

— Человеческая?

— Не знаю. Маленькая какая-то.

Он снова протянул руку, аккуратнее, и вытащил из земли небольшой, потемневший от времени предмет — не кость, а резной костяной оберег на истлевшем шнурке, в форме то ли птицы, то ли какого-то другого существа с распростёртыми крыльями.

— Что это? — прошептала Услава.

— Не видал такого раньше. — Мирко повертел оберег в руках. — Похож на те, что дед Ждан иногда режет, только этот старше во много раз.

Услава взяла оберег у него из рук. Костяная поверхность была холодной, несмотря на летнее утреннее солнце, и от неё исходило странное, почти неуловимое ощущение — будто держишь в руках что-то, что смотрит на тебя в ответ.

— Отнесём деду Ждану, — сказала она. — Он должен знать, что это.

— А если он тоже промолчит, как Влас?

— Тогда придётся заставить его говорить.

Со стороны деревни донёсся звон била — созывали на утреннюю сходку у избы старосты, обсуждать, что делать с осквернённой могилой. Мирко поднялся, отряхнул колени.

— Пойдём тогда сейчас, пока все на сходке. Дед Ждан один в своей избе останется, никто мешать не будет.

Услава сжала оберег в кулаке, спрятала его за пазуху, туда же, где под рубахой лежал материнский крестик.

— Пойдём, — согласилась она.

Они вышли с кладбища не через главные ворота, а через пролом в изгороди с дальней стороны, чтобы не встретиться с расходящейся толпой. Позади, на разрытой могиле, лежала забытая кем-то лопата старосты, и лёгкий утренний ветер шевелил над ней комья свежей глины, будто под землёй всё ещё что-то дышало.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Дочь ведьмы

Изба деда Ждана стояла на самом краю деревни, ближе к лесу, чем к остальным дворам, — так повелось ещё с тех пор, как сказители и знахари селились особняком, у границы дикого и обжитого. Дед Ждан был слеп уже пятнадцать лет, но дом свой знал наизусть и передвигался по нему увереннее многих зрячих.

Услава постучала в дверь костяшками пальцев. Изнутри донёсся скрип лавки, шаркающие шаги.

— Кто там? — спросил дед Ждан прежде, чем открыть.

— Услава. И Мирко со мной.

Дверь отворилась. Дед Ждан стоял на пороге, седой, сторбленный, с белёсыми, незрячими глазами, которые, казалось, всё равно видели больше, чем нужно.

— Знахаркина дочь, — сказал он, не двигаясь с места. — Заходи. И ты, кузнецов сын, заходи тоже, не стой на пороге, дом не выстужай.

Они вошли в избу, пропахшую сушёными травами и воском. На стенах висели пучки полыни, зверобоя, ещё каких-то трав, которых Услава не узнавала, а в углу, у печи, стоял старый резной посох с навершием в виде змеиной головы.

— Садитесь, — сказал дед Ждан, нащупывая рукой лавку и опускаясь на неё сам. — Полагаю, вы не просто так пришли, а по поводу того, что на кладбище приключилось.

— Ты уже знаешь? — удивился Мирко.

— Слепой не значит глухой, кузнецов сын. Мокрина так кричала, что я и в своей избе всё слышал. Да и не только это. — Он повернул незрячее лицо к Усладе. — Ты ведь тоже её слышала этой ночью, верно? Мать свою.

У Услады перехватило дыхание.

— Откуда ты знаешь?

— Оттого, что не в первый раз такое случается в Ольшанке. И оттого, что твоя мать была последней в роду знахарок, которые эту тайну хранили. Теперь, видно, тебе придётся хранить.

— Какую тайну?

Дед Ждан помолчал, ощупью нашёл на столе глиняную кружку с водой, отпил.

— Прежде чем я скажу тебе, покажи, что вы там нашли на старом кладбище. Не думай, что я не почую — от тебя пахнет старой костью и глиной с той части погоста, куда уже сорок лет никто не ходит.

Услава переглянулась с Мирко, потом достала из-за пазухи костяной оберег и вложила в протянутую ладонь деда Ждана. Тот провёл пальцами по резьбе, и лицо его застыло — не от удивления, а от узнавания чего-то давно ожидаемого и всё же нежеланного.

— Птица-Мара, — сказал он тихо. — Так и знал, что рано или поздно кто-то до неё докопается.

— Что это за оберег? — спросила Услава.

— Не оберег. Печать. — Дед Ждан сжал костяную фигурку в кулаке. — Такими печатями метили могилы тех, кого хоронили не по обычному чину, а по особому уговору.

— Какому уговору?

Дед Ждан долго молчал, будто взвешивал, стоит ли говорить дальше. Наконец вздохнул тяжело, как человек, снимающий с плеч груз, который нёс слишком долго.

— Слушайте тогда, раз пришли за правдой, а не за сказками на ночь. Много поколений назад, ещё до того, как в Ольшанке поставили церковь, предки наши жили тут иначе — чтили старых богов, тех, что до крещёного Бога здешние земли держали. И один из них — Морена, богиня смерти и зимнего сна, чьё имя нынче поминают только в страшных сказках да заговорах от мора.

— Мачеха Марена, — тихо сказал Мирко. — Мать говорила, ею детей пугают, чтобы в лес одни не ходили.

— Не мачеха. И не сказка. — Голос деда Ждана стал жёстче. — Морена — сила настоящая, старше самой деревни. И предки наши, спасаясь от великого моря, что косил тогда людей десятками за одну ночь, заключили с ней уговор.

— Какой уговор? — спросила Услава, чувствуя, как холодеет внутри.

— Раз в поколение — а поколение это тридцать три года, столько лет было первому старейшине, что уговор заключал, — деревня должна отдать Морене одну душу добровольно. Не убийством, не жертвоприношением на алтаре, а истинной, доброй волей человека, что сам согласится уйти за всех остальных. Взамен Морена держит границу — не пускает мор в деревню, не пускает лихо ночное, не пускает нежить с болот.

Услава почувствовала, как земля будто уходит из-под ног, хотя она сидела на лавке.

— И моя мать...

— Твоя мать была этой данью, — тихо закончил дед Ждан. — Она сама вызвалась, тридцать три года прошли с прошлого уговора, и она пошла на это добровольно, зная, что делает. Мы с ней провели обряд по всем правилам, ещё месяц назад, тайно, ночью, у старого дуба в лесу. Она должна была умереть спокойно, во сне, в означенный час — и уйти к Морене чисто, без остатка, без возврата.

— Но она умерла от болезни, — прошептала Услава, вспоминая последние дни матери — жар, бред, кашель с кровью. — Это была не смерть по уговору.

— Именно так. — Дед Ждан покачал головой. — Хворь пришла раньше срока, забрала её тело прежде, чем душа успела уйти правильным путём. Обряд остался незавершённым. И теперь...

— И теперь Морена решила, что уговор нарушен, — договорил Мирко, — и требует новую плату. А пока не получит — не держит границу.

— Хуже. — Дед Ждан сжал костяную печать так, что побелели костяшки пальцев. — Незавершённый обряд — это не просто нарушенный уговор. Это открытая дверь. Душа твоей матери, Услава, застряла между двумя мирами — не ушла к Морене до конца, но и не осталась среди живых. И пока эта дверь открыта, через неё могут проходить не только она.

— Что значит — не только она?

Дед Ждан повернул к ней своё незрячее лицо, и Услава впервые за всё время разговора увидела на нём неподдельный страх.

— Это значит, дитя моё, что этой ночью на кладбище встала не только твоя мать.

Мирко резко обернулся к окну, будто ожидал увидеть за мутным стеклом чью-то тень. За окном был всего лишь полдень, солнце заливало двор, но от слов деда Ждана в избе будто похолодало.

— Что нам делать? — спросила Услава. — Как закрыть эту дверь?

— Есть способ. Обряд можно завершить и после смерти, если успеть до истечения трёх дней с ночи первого выхода. Но для этого нужно провести душу твоей матери через границу самой, тем же путём, каким она должна была пройти — через Навий лес, к чёрному дубу, где заключался уговор.

— А если не успеем?

Дед Ждан долго молчал.

— Тогда через три ночи граница откроется полностью. И вся нежить, что копилась под этой землёй веками, выйдет на волю. А Морена, не получив свою плату, сама придёт за долгом — и возьмёт его не с одной души, а со всей деревни.

В избе повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием углей в печи. Услава смотрела на костяную птицу-печать в руке деда Ждана и думала о том, что ещё вчера утром её

единственной заботой было, как пережить похороны матери, — а теперь речь шла о судьбе всей Ольшанки.

— Значит, у нас три ночи, — сказала она. — Считая с сегодняшней?

— Считая с прошедшей. Осталось две.

— Тогда чего мы ждём? — Мирко вскочил с лавки. — Веди нас в этот Навий лес, дед Ждан, показывай дорогу.

— Не всё так просто, кузнецов сын. — Старик покачал головой. — Я слеп, и в Навий лес мне ходу нет уже много лет — тот, кто однажды провёл там обряд, второй раз пройти той же тропой не может, иначе сам останется в долгу у Морены. Идти должна Услава — как дочь той, кто нарушил уговор, и как единственная, в чьих жилах течёт кровь последней знахарки рода.

— Одна? — Голос Услavy дрогнул.

— Не одна. — Дед Ждан протянул ей костяную печать обратно. — Возьми это с собой, оно укажет путь и защитит от чужих голосов в лесу. Но идти рядом с тобой может любой, кто пойдёт по своей воле, зная риск. Только помни: в Навьем лесу правда и морок неразличимы на слух и на вид. Всё, что ты там увидишь и услышишь, может быть либо истиной, либо ловушкой Морены, желающей заманить ещё одну душу вместо положенной.

— Я пойду с тобой, — сказал Мирко без колебаний.

— Ты не обязан...

— Обязан. Ты моя подруга с тех пор, как мы вместе воровали яблоки у деда Кузьмы. Я не отпущу тебя одну в лес, где бродят мертвецы.

Услава посмотрела на него благодарно, но тут же вспомнила о старосте.

— А как же Влас? Он ведь ждёт меня после полудня.

Дед Ждан нахмурился.

— Влас знает про уговор больше, чем говорит. Его дед был тем старейшиной, кто заключал последний до этого договор с Мореной, и с тех пор власть в Ольшанке передаётся в его роду не просто так, а как плата за хранение тайны. Если Влас узнает, что ты собираешься в Навий лес без его ведома, он может помешать — не потому что не верит, а потому что боится, что новый уговор ляжет на его же плечи, если старый провалится.

— Значит, к нему нельзя идти, — сказал Мирко.

— Идти можно, — возразила Услава. — Но говорить всей правды не стоит. Скажу, что скорблю и хочу побыть одна пару дней. А сама тем временем соберусь в лес.

Дед Ждан кивнул одобрительно.

— Разумно для юной девицы, только вчера потерявшей мать. Никто не удивится, если ты закроешься от людей на день-другой.

Он поднялся с лавки, подошёл к полке у печи, снял с неё небольшой узелок из холстины, перевязанный бечёвкой.

— Возьми ещё вот это. Здесь травы для отвода морака и щепоть земли с могилы твоей прабабки, тоже бывшей знахаркой. Она защитит тебя от голосов, что будут звать твоим собственным именем изнутри леса.

Услава взяла узелок, спрятала вместе с костяной печатью.

— Спасибо, дед Ждан.

— Не благодари прежде времени. — Старик снова сел, лицо его вдруг стало очень усталым. — Ступайте с миром, дети. И помните — в Навьем лесу нельзя откликаться на голос, зовущий по имени, покуда сами не увидите, кто зовёт, ясно, при свете, не в тумане и не в тени.

Они вышли из избы деда Ждана, когда солнце уже клонилось к полудню. Со стороны деревенской площади всё ещё доносился гул сходки — люди спорили, что делать с осквернённой могилой, кто-то требовал позвать попа из соседнего села, кто-то — сжечь всё дотла и пересыпать солью, по старому обычаю от нежити.

— Когда пойдём? — спросил Мирко, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их не услышали.

— Сегодня ночью. Дед Ждан сказал, у нас две ночи осталось, зачем терять время.

— А как же Влас и разговор с ним?

Усилада на мгновение остановилась, глядя в сторону избы старосты.

— Схожу к нему сейчас, отговорюсь. А ночью — в лес.

Она не сказала Мирко, что, идя к старосте, собирается не только отговориться, но и при-
смотреться — вдруг что-то в лице или словах Власа выдаст, насколько глубоко тот замешан в
эту старую, кровавую тайну деревни.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Дружинник из города

Изба старосты Власа стояла в самом центре Ольшанки, самая большая в деревне, с резными наличниками и высоким крыльцом — знак того, что род Власа держал власть не первое поколение. Когда Услава подошла, во дворе уже стоял чужой конь, гнедой, породистый, каких в деревне отродясь не водилось.

— Гость у Власа, — заметил стоявший неподалёку мужик, чинивший плетень. — Дружинник из города, говорят. Прислали разбираться, что тут за нечисть завелась.

Услава замедлила шаг. Появление дружинника меняло дело — теперь придётся не только скрывать поход в Навий лес от старосты, но и от человека, чья должность обязывала вмешиваться во всё необычное.

Она поднялась на крыльцо, постучала. Дверь открыла жена старосты, полная женщина с встревоженным лицом.

— Услава? Что тебе?

— Влас звал меня после полудня.

— Заходи, заходи. Только он не один, у него человек от князя сидит.

В горнице за столом действительно сидели двое — Влас, всё такой же грузный и неспешный, и молодой мужчина в дорожной одежде, но с выправкой военного человека: прямая спина, коротко стриженная борода, у пояса — меч в потёртых ножнах, повидавших не одну дорогу.

— А, дочь знахарки, — сказал Влас, кивая на лавку напротив. — Садись. Это Ярополк, дружинник из княжьего города. Прислан разобраться с тем, что у нас творится.

Ярополк окинул Усладу быстрым, оценивающим взглядом — таким смотрят на человека, пытаясь понять, представляет ли он опасность или пользу.

— Слышал, ты вчера ночью была на кладбище, — сказал он без предисловий. — Расскажи, что видела.

— А ты сам кто такой, чтобы я тебе рассказывала?

— Ярополк, дружинник князя Твердислава. Направлен разобраться со слухами о нежити в здешних краях — говорят, целая деревня в панике из-за пустой могилы и воющих мертвецов.

— Не слухи это, — сказала Услава тихо. — Я своими ушами слышала голос матери с кладбища. И тётка Гостена слышала тоже.

— Голоса на кладбище ночью можно объяснить десятком способов, ни один из которых не требует нежити, — сказал Ярополк без насмешки, но твёрдо. — Ветер в дуплах старых деревьев, дикие звери, обман слуха с перепугу.

— А пустой гроб — это тоже ветер?

Ярополк промолчал, и это было красноречивее любого ответа.

— Раскопанная могила — дело серьёзное, — сказал он наконец. — Но чаще всего за такими случаями стоят живые люди — либо воры, что промышляют мертвыми телами для колдовских снадобий, либо просто злая шутка недоброжелателей. Прежде чем говорить о нежити, я должен исключить все обычные причины.

— Исключай, сколько угодно, — сказал Влас, барабанил пальцами по столу. — Только пока ты исключаешь, деревня в страхе, а люди требуют защиты. Я послал за тобой не для того, чтобы ты сомневался в очевидном.

— В очевидном, старейшина, я и сам сомневаюсь до тех пор, пока не увижу собственными глазами, — отрезал Ярополк. — Такова моя служба.

Услава наблюдала за этой перепалкой, отмечая про себя — Влас держится напряжённо, слишком напряжённо для человека, обеспокоенного лишь порядком в деревне. Пальцы его выбивали дробь по столу быстрее, чем того требовал разговор, а взгляд то и дело метался к окну, в сторону кладбища.

— Влас, — сказала она, пользуясь паузой, — ты хотел о чём-то со мной поговорить. Староста бросил быстрый взгляд на Ярополка, потом на Усладу.

— Верно. Хотел спросить, знаешь ли ты что-нибудь о делах твоей матери, что могло бы объяснить случившееся. Травы какие-нибудь особые она хранила, снадобья, может, кому-то долг оставила, за которым могли явиться недобрые люди.

Это была явная попытка направить разговор в сторону обыденного объяснения — того самого, о котором говорил Ярополк.

— Ничего такого не знаю, — соврала Услава, глядя старосте прямо в глаза. — Мать была обычной знахаркой. Лечила хвори, принимала роды, только и всего.

Влас выдержал её взгляд, но что-то в его лице дрогнуло — едва заметно, у самых уголков глаз.

— Тогда ступай домой, скорби спокойно. Мы с Ярополком сами разберёмся, что здесь происходит.

— Я хочу побыть одна пару дней, — сказала Услава, вставая с лавки. — Не хочу, чтобы люди в деревне глазели на дочь той, чья могила пуста, и шептались за спиной.

— Разумно, — согласился Влас чуть поспешно. — Заприся дома, никуда не выходи ночами, пока мы не разберёмся с этим делом.

— Как скажешь, староста.

Она направилась к выходу, но у самой двери Ярополк окликнул её:

— Постой.

Услава обернулась.

— Тот оберег, что у тебя за пазухой, — сказал дружинник, — откуда он у тебя?

Услава похолодела внутри, но не подала виду.

— Какой оберег?

— Костяной, на шнурке. Заметил, как ты его нащупывала под рубахой, пока сидела здесь.

Влас резко поднял голову, глаза его сузились.

— Покажи, — потребовал он.

У Услады не было выбора — отказ выглядел бы куда подозрительнее, чем короткий показ. Она вытащила оберег, стараясь держать его так, чтобы не видно было всех деталей резьбы.

— Материнский оберег, — сказала она. — От сглаза.

Влас протянул руку.

— Дай посмотреть.

— Он мне дорог, староста. Не хочу, чтобы чужие руки его трогали.

— Дай сюда, — повторил Влас жёстче, и в его голосе прозвучало что-то похожее на страх, тщательно скрываемый за приказным тоном.

Ярополк, наблюдавший за этой сценой, вмешался неожиданно на стороне Услады.

— Оставь девушку в покое, староста. Материнская память — дело святое, не нам в неё лезть без причины.

Влас бросил на дружинника недовольный взгляд, но руку опустил.

— Иди, — буркнул он Усладе. — И держись подальше от кладбища по ночам, ясно тебе?

— Ясно, — ответила Услава и вышла, чувствуя спиной тяжёлый, внимательный взгляд старосты.

На улице её нагнал Ярополк — вышел следом почти сразу, придерживая шаг рядом с ней.

— Ты соврала там, внутри, — сказал он без обиняков.

— О чём?

— О том, что не знаешь ничего особенного про мать. У тебя лицо не умеет врать, девица. Дёргается уголок губ, когда говоришь неправду.

Услава остановилась, посмотрела на него внимательно.

— А тебе какое дело до правды или лжи дочери знахарки?

— Такое, что меня прислали разбираться с нежитью, а не с деревенскими сплетнями. И тот оберег, что ты прячешь, — не простая безделица от сглаза. Я видел похожие знаки в старых книгах, что хранятся в княжьей библиотеке. Это печати старых культов, тех, что чтили богов до крещения.

Услава почувствовала, как внутри всё сжимается — этот чужак, присланный из города, знал больше, чем должен был.

— Ты много читал для простого дружинника, — заметила она осторожно.

— Я не всегда был дружинником. — Ярополк на мгновение отвёл взгляд, будто вспоминая что-то, о чём не любил говорить. — Прежде чем взять меч, я три года провёл при монастырской школе, где учился грамоте и слушал рассказы старых монахов о временах до крещения Руси. Многие вещи, которые обычные люди считают сказками, я знаю не понаслышке.

— И что ты знаешь про такие печати?

— Что их ставили на могилы тех, кто уходил не обычной смертью, а по особому обряду. Жертвенному обряду.

Услава промолчала, но молчание её было красноречивее слов.

— Твоя мать была такой жертвой, верно? — тихо спросил Ярополк. — Поэтому её могила пуста, и поэтому по деревне бродит нежить.

— Если ты уже всё знаешь, зачем спрашиваешь?

— Затем, что знать и слышать подтверждение — не одно и то же. И затем, что если я прав, то дело куда серьёзнее, чем просто разграбленная могила, и мне нужно понимать, с чем я имею дело, прежде чем действовать.

Услава огляделась — улица была пустой, все ещё толпились у избы, обсуждая утренние события.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Расскажу тебе то, что знаю. Но не здесь, на виду у всей деревни. И не потому, что доверяю тебе, а потому что мне нужна помощь, а ты, похоже, единственный человек, кроме деда Ждана, кто способен воспринять это всерьёз.

— Где тогда?

— На выгоне, за околицей, через час. И приходи один, без Власа.

Ярополк кивнул, не задавая больше вопросов, — качество, которое Услава невольно оценила.

— Буду.

Она пошла прочь по улице, чувствуя, как впервые за это утро на душе стало чуть легче — не оттого, что беда миновала, а оттого, что теперь у неё было на одного союзника больше. Хотя доверять этому союзнику полностью она пока не решалась — слишком уж быстро и слишком уж много он знал для случайного дружинника, посланного разбираться со слухами о нежити.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Первая жертва

Выгон за околицей зарос густой некошеной травой — сюда пастухи гоняли скот только по весне, а к середине лета трава здесь стояла по пояс, скрывая идущего почти по грудь. Услада пришла первой, села на старый пенёк у края леса и стала ждать.

Ярополк появился спустя четверть часа, без коня, пешком, как она и просила.

— Никто не видел, как я ушёл, — сказал он, садясь напротив, на поваленное бревно. — Рассказывай.

Услада рассказала всё — про уговор с Мореной, про мать, что вызвалась данью, про незавершённый обряд и про то, что осталось всего две ночи, чтобы закрыть открывшуюся дверь между мирами.

Ярополк слушал молча, не перебивая, и лицо его становилось всё серьёзнее.

— Значит, староста знает про это, — сказал он, когда она закончила. — И молчит.

— Дед Ждан говорит, что род Власа хранит эту тайну поколениями. Что дед самого Власа заключал предыдущий уговор.

— Тогда понятно, почему он так занервничал из-за твоего оберега. — Ярополк потёр подбородок. — Он боится, что если правда выйдет наружу, вся деревня узнает, какую цену платили их предки за спокойствие. И боится ещё больше, что новый уговор придётся заключать при его старейшинстве.

— Дед Ждан сказал то же самое.

— И вы собираетесь идти в этот Навий лес сегодня ночью?

— Да. Мирко идёт со мной.

Ярополк помолчал, разглядывая рукоять своего меча.

— Я тоже пойду.

— Ты веришь во всё это? — спросила Услада с удивлением. — Час назад ты говорил старосте, что сомневаешься в очевидном.

— Я говорил это при Власе, потому что не доверяю ему. Но я не идиот, девица. Оберег в твоих руках — подлинная древняя вещь, не подделка. Пустая могила без следов взлома или подкопа снаружи. Странное поведение всей деревни, особенно старосты. Всё это складывается в картину, которую сложно объяснить обычным колдовством живых людей.

— И тебе не страшно идти против того, во что ты не веришь до конца?

— Мне поручено разобраться с нежитью в этих краях. Если я откажусь идти туда, где, возможно, кроется корень беды, из страха или сомнений — грош цена мне как дружиннику.

Услада посмотрела на него с новым уважением.

— Хорошо. Встретимся у изгороди Мирко, как стемнеет.

Они разошлись — Ярополк вернулся в деревню первым, Услада выждала ещё немного, чтобы не идти следом за ним и не вызвать подозрений. Когда она наконец поднялась с пня, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тревожный багровый цвет.

Домой она вернулась, когда тётка Гостена уже хлопотала у печи, готовя нехитрый ужин.

— Где ты была весь день? — спросила тётка, не поднимая глаз от котелка.

— У старосты. Потом гуляла, думала.

— Влас что-то говорил про дружинника из города?

— Говорил. Приехал разбираться с нежитью.

Гостена перекрестилась.

— Дай Бог, чтобы разобрался поскорее. Люди в деревне уже боятся из домов выходить.

Услада села за стол, взяла ложку, но есть не хотелось — мысли крутились вокруг предстоящей ночи и того, что ждёт их в Навьем лесу.

— Тётка, — сказала она осторожно, — а ты знала про уговор моей матери с Мореной?

Гостена замерла, ложка застыла на полпути ко рту.

— Откуда ты знаешь это слово?

— Дед Ждан рассказал. Про древний договор, про дань раз в поколение.

Тётка медленно опустила ложку, лицо её посерело.

— Я подозревала. Твоя мать в последний месяц вела себя странно — уходила ночами куда-то, возвращалась под утро, молчаливая, будто прощалась с чем-то. Я спрашивала, куда ходит, она отвечала — по травы, да только не так собирают травы, как она собиралась, будто на праздник наряжалась, а не в лес по грибы.

— Почему ты мне не сказала?

— Она сама просила молчать. Говорила, что придёт время, я сама всё пойму, когда надо будет. — Гостена вытерла глаза уголком платка. — Не думала я, что время придёт так скоро и так страшно.

За окном сгущались сумерки. Услава отодвинула нетронутую миску.

— Мне нужно идти, тётка.

— Куда?

— В лес. Закончить то, что мать не успела.

Гостена вскочила, схватила её за плечи.

— Нет! Ты не пойдёшь туда, слышишь? Я не отпущу тебя, не потеряю ещё и тебя после сестры!

— Если я не пойду, — тихо сказала Услава, глядя тётке прямо в глаза, — через две ночи граница откроется полностью, и вся нежить, что копилась там веками, хлынет в деревню. Погибнут все — ты, Мирко, соседи, вся Олышанка. Ты этого хочешь?

Гостена отпустила плечи Уславы, руки её дрожали.

— Я хочу, чтобы ты осталась жива.

— Я тоже этого хочу. Поэтому и иду — чтобы остаться живой, а не ждать, пока смерть сама придёт за мной вместе со всеми остальными.

Тётка долго молчала, потом кивнула, слёзы текли по её щекам беспрепятственно.

— Возьми хотя бы поесть с собой. И оденься теплее, ночи в лесу холодные, даже летом.

Пока Гостена собирала узелок с едой, за окном послышался топот бегущих ног, и кто-то заколотил в дверь так сильно, что засов задрезжал.

— Открывайте! — раздался задыхающийся голос. — Скорее, беда!

Услава отодвинула засов. На пороге стоял младший сын кузнеца, брат Мирко, лет двенадцати, бледный, с широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Что случилось? — спросила Услава, чувствуя, как холодеет сердце.

— Мирко... — выдохнул мальчик. — Мирко пропал. Пошёл вечером за водой к колодцу и не вернулся. Отец искал, весь двор обошёл — нигде нет. А у колодца... у колодца кровь на срубе, и ведро в воде плавает, брошенное.

У Уславы подкосились колени во второй раз за этот день.

— Веди меня туда, — сказала она, хватая накидку. — Немедленно.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Голос из колодца

У колодца на краю кузнецовского двора уже собралась небольшая толпа — кузнец Радим с факелом в руке, несколько соседей, встревоженная жена кузнеца, прижимавшая к себе младшего сына. Ярополк тоже был здесь — видимо, услышал шум и прибежал одним из первых.

— Что нашли? — спросила Услава, подбегая.

Кузнец указал факелом на деревянный сруб колодца. На нём действительно темнело несколько пятен, ещё не высохших, а рядом, зацепившееся за край, висело перевёрнутое ведро с оборванной верёвкой.

— Кровь, — сказал Радим глухим голосом. — Мирко пошёл за водой перед ужином, я сам его послал. Через четверть часа хватились — нет его. Пошёл искать, а тут вот это.

Ярополк наклонился над срубом, внимательно осмотрел пятна, потом заглянул в самую глубину колодца.

— Дайте ещё факел, — сказал он.

Кто-то протянул горящую лучину. Ярополк опустил её пониже, вглядываясь в темноту колодца.

— Воды на дне немного, — сказал он. — Тела не вижу. Но верёвка оборвана не чисто — будто её перетёрли о край, а не обрезали ножом.

— Может, он упал и утонул? — предположил кто-то из соседей.

— Тогда где тело? — Ярополк выпрямился. — В такой мелкой воде тело не могло раствориться или уплыть незамеченным.

Услава подошла к самому срубу, вглядываясь в темноту внизу. Оттуда, из глубины, тянуло сыростью и ещё чем-то — тем же затхлым, могильным запахом, что она почувствовала прошлой ночью на кладбище.

— Мирко! — позвала она в колодец. — Мирко, ты меня слышишь?

Эхо её голоса ушло вниз и растворилось где-то в темноте. Ответа не было.

— Услава, отойди оттуда, — тихо сказал Ярополк, беря её за локоть.

— Он мог быть жив, — возразила она, не отходя. — Мог упасть, ушибиться, не отозваться сразу.

— Или его туда затянуло что-то, чему нужен ещё один, кто на зов откликнется.

Услава замерла, вспомнив предупреждение деда Ждана — не откликаться на зов, звучащий знакомым голосом, если не видишь, кто зовёт.

Из глубины колодца донёсся звук — тихий, едва различимый шорох, будто что-то шевелилось в воде на самом дне.

— Слышали? — прошептала жена кузнеца, прижимая сына ещё крепче.

Все замолчали, прислушиваясь. Звук повторился, на этот раз отчётливее — плеск воды, а следом — слабый, придушенный голос, доносящийся будто издалека, из-под толщи земли:

— Помогите...

Это был голос Мирко.

— Он жив! — крикнул Радим, бросаясь к колодезному вороту. — Верёвку, живо, кто-нибудь принесите новую верёвку!

Один из соседей побежал к сараю. Услава, не дожидаясь верёвки, перегнулась через сруб.

— Мирко, держись, мы вытащим тебя!

— Услава... — донёсся снизу тот же слабый голос. — Помоги...

Ярополк резко схватил её за плечи, оттащил от сруба.

— Не отвечай ему.

— Он ранен, он зовёт меня!

— Голос идёт снизу, из самой глубины колодца, куда обычному человеку не провалиться — там же вода едва по колено, судя по тому, что я видел. Настоящий Мирко, если бы упал, кричал бы ближе к поверхности, а не из самых недр.

Услада замерла, чувствуя, как страх и разум борются внутри неё.

— Значит, это не он?

— Не знаю точно. Но осторожность сейчас важнее спешки.

Соседи принесли верёвку, привязали к вороту, стали спускать вниз пустое ведро на разведку. Радим держал факел над срубом, вглядываясь в темноту.

— Мирко, сынок, — позвал он дрожащим голосом, — привяжись к ведру, если можешь, мы тебя вытащим!

Снизу снова донёсся голос — теперь он звучал иначе, чем прежде, будто в нём проступала вторая, более низкая нота, накладывающаяся на первую:

— Отец... холодно мне... помоги...

Радим дёрнулся к вороту, но Ярополк перехватил его руку.

— Постой, кузнец. Что-то здесь неладно.

— Мой сын там, внизу, зовёт меня! Пусти!

— Именно поэтому и постой. Разве твой сын называл бы тебя "отец", а не "тятя", как обычно?

Радим замер, взгляд его заметался — и Услада увидела, как правда медленно доходит до него, вытесняя отцовский страх холодным осознанием.

— Он всегда звал меня тятей, — прошептал кузнец. — С малых лет.

Из колодца донёсся ещё один звук — уже не голос, а низкое, утробное рычание, от которого у всех, кто стоял рядом, волосы встали дыбом. Потом что-то тяжело плюхнулось в воду на дне, будто крупное тело перевернулось или задвигалось.

— Отходим, — скомандовал Ярополк, вытаскивая меч из ножен. — Все отходят от колодца, живо!

Толпа отхлынула на несколько шагов. Ярополк остался ближе всех, меч наготове, глаза прикованы к тёмному зеву колодца.

— Мирко, — тихо позвала Услада, доставая из-за пазухи узелок трав, что дал ей дед Ждан, — если ты там, если ты настоящий — дай знак, который знаем только мы двое.

Тишина. Потом, спустя долгую, тяжёлую паузу, снизу донёсся голос — на этот раз слабый, дрожащий, без прежней утробной ноты, звучащий как настоящий, испуганный Мирко:

— Яблоки... у деда Кузьмы... помнишь?

У Услады отпустило в груди от облегчения.

— Это он! — крикнула она. — Это настоящий Мирко, тяните его!

Соседи бросились к вороту, начали спешно спускать ведро с привязанной верёвкой пошире, чтобы человек мог ухватиться. Через несколько долгих минут, показавшихся вечно-стью, из глубины показалась мокрая, дрожащая рука, вцепившаяся в край сруба.

— Тяните! — крикнул Ярополк, хватая эту руку и помогая подняться.

Из колодца, весь мокрый, перепачканный илом, дрожащий крупной дрожью, вылез Мирко — живой, но с диким, затравленным взглядом человека, только что видевшего что-то, чего лучше было бы не видеть.

Радим бросился к сыну, обнял, не обращая внимания на грязь и воду.

— Сынок, живой, слава богам, живой!

Мирко цеплялся за отца, всё ещё не в силах говорить, зубы его стучали то ли от холода, то ли от пережитого ужаса. Услада подошла ближе, накинула на плечи друга свою тёплую накидку.

— Что там было, Мирко? — спросила она тихо. — Что тебя утатило?

Мирко поднял на неё глаза, полные страха.

— Не тебя оно звало сначала, — прошептал он. — Меня. Твоим голосом. Голосом твоей матери. Сказало, что ты упала в колодец, что нужна помощь. Я перегнулся посмотреть — и меня будто дёрнули за ноги, потянули вниз, в темноту.

— А потом?

— Потом там, внизу... — Мирко зажмурился, будто пытаясь стереть воспоминание. — Там было лицо. Не человеческое. Белое, распухшее, с пустыми глазницами, и оно улыбалось, Услава, оно улыбалось, глядя на меня, как на еду.

Ярополк, вложив меч обратно в ножны, присел рядом с Мирко.

— Как ты выбрался?

— Не знаю. Оно вдруг отпустило меня, будто испугалось чего-то. Или потеряло интерес.

Услава вспомнила момент, когда назвала настоящий отзыв, известный только им двоим — про яблоки деда Кузьмы. Может быть, именно попытка твари подделать голос, не зная истинного отклика, и заставила её на миг ослабить хватку.

— Радим, — сказал Ярополк, поднимаясь, — колодец нужно завалить камнями до утра. Никому больше не подходить к нему ночью.

— А как же вода? — растерянно спросил кузнец.

— Придётся ходить к соседскому колодцу, пока мы не разберёмся, что здесь творится. — Ярополк повернулся к Усладе. — Времени у нас теперь ещё меньше, чем ты думала. Если тварь из-под земли уже добралась до колодца в центре деревни, значит, граница слабеет быстрее, чем говорил твой дед Ждан.

Услава кивнула, чувствуя, как решимость вытесняет страх.

— Тогда идём в лес сегодня же, не дожидаясь полуночи.

— А Мирко? — Ярополк взглянул на дрожащего, ещё не оправившегося юношу. — Он в таком состоянии не пойдёт с нами.

— Пойду, — прохрипел Мирко неожиданно твёрдо, поднимаясь на ноги, несмотря на дрожь в коленях. — Пойду, потому что теперь знаю, с чем мы имеем дело. И потому что не хочу, чтобы то, что чуть не сожрало меня в колодце, добралось до кого-то ещё в этой деревне.

Радим попытался возразить, удержать сына, но Мирко твёрдо покачал головой.

— Я иду, отец. Прости, но иду.

Услава посмотрела на друга с благодарностью и тревогой одновременно — тревогой за то, что придётся вести в опасный лес человека, только что вырванного из лап смерти, и благодарностью за то, что он всё же решил идти.

— Тогда собираемся, — сказала она. — Сумерки почти стусились. Пора выступать к Навьему лесу.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Дорога в Навий лес

Они вышли из деревни, когда небо потемнело окончательно и на нём высыпали первые звёзды. Впереди шла Услава с костяной печатью на шнурке поверх рубахи и узелком трав деда Ждана за пазухой. Следом, всё ещё бледный после пережитого, но упрямо державшийся на ногах, шагал Мирко с топором кузнеца в руках — единственным оружием, которое отец согласился ему дать. Замыкал шествие Ярополк с обнажённым мечом наготове.

— Знаешь дорогу? — спросил Ярополк, когда деревенские избы остались позади и впереди встала тёмная стена леса.

— Дед Ждан сказал — тропа начинается от старой мельницы, дальше идёт вдоль ручья до чёрного дуба, — ответила Услава. — Он сам не раз ходил этим путём, пока не ослеп.

— А если тропа заросла или изменилась?

— Тогда пойдём по ручью. Вода не врёт, куда течёт — туда и путь.

Они миновали заброшенную мельницу, чьё колесо давно рассохлось и не крутилось, и углубились в лес. Деревья здесь стояли гуще, чем на опушке, стволы их были покрыты мхом даже в верхней части, будто сырость этого места никогда не высыхала полностью.

— Странно тихо, — заметил Мирко, оглядываясь по сторонам. — Ни птиц, ни зверья не слышно.

Он был прав — обычный лесной гул, стрекот сверчков, редкий крик ночной птицы, всё это отсутствовало напрочь. Только звук их собственных шагов по хвойной подстилке да далёкое журчание ручья нарушали тишину.

— Дед Ждан предупреждал, — сказала Услава. — Чем ближе к чёрному дубу, тем тише становится лес. Живое туда не заходит.

— Обнадёживающе, — пробормотал Ярополк, но в его голосе не было насмешки — только напряжённая сосредоточенность человека, готового к любой неожиданности.

Они шли уже около часа, следуя вдоль русла ручья, когда впереди, между деревьями, замерцал слабый свет — не яркий, а тусклый, зеленоватый, будто болотный огонёк.

— Стой, — тихо скомандовал Ярополк, останавливая всех жестом руки. — Что это?

— Не знаю, — прошептала Услава, всматриваясь в мерцание. — Дед Ждан не говорил ни о каких огнях.

Свет не двигался, оставаясь на одном месте среди деревьев, будто ждал их приближения.

— Может, обойдём стороной? — предложил Мирко.

— Ручей ведёт прямо туда, — заметила Услава. — Если свернём, можем сбиться с пути. Ярополк вглядывался в мерцание ещё несколько мгновений, потом принял решение.

— Идём осторожно. Держитесь позади меня.

Они двинулись вперёд, медленнее прежнего, каждый шаг сопровождался хрустом ветки под ногой, показавшимся оглушительным в мёртвой тишине леса. Свет становился ближе, и вскоре стало видно его источник — не болотный огонь, а старая, покосившаяся часовенка, вросшая в землю почти по самую крышу, с прогнившим крестом наверху. Из единственного узкого оконца лился тот самый зеленоватый свет.

— Часовня в глухом лесу, — пробормотал Мирко. — Не слышал о такой раньше.

— Это старое капище, — тихо сказала Услава, разглядывая покосившиеся стены, покрытые резьбой, что явно предшествовала христианским крестам. — Кто-то позже поставил крест поверх языческого святилища, чтобы освятить это место, да только не помогло, видно.

Ярополк подошёл ближе к оконцу, заглянул внутрь. Услава и Мирко подошли следом, встали за его спиной.

Внутри часовни, освещённая тем же зеленоватым мерцанием, исходящим будто от самих стен, стояла фигура — сгорбленная, в лохмотьях, что некогда, возможно, были богатым платьем. Фигура стояла спиной ко входу, неподвижно, будто застыла много лет назад.

— Живой человек? — прошептал Мирко.

— Не думаю, — тихо ответил Ярополк. — Смотрите, как стоит — ни одна живая спина так долго не выдержит без движения.

Словно услышав их слова, фигура начала медленно поворачиваться. Услада затаила дыхание, а когда лицо существа наконец показалось в тусклом свете, у неё внутри всё обрвалось от узнавания — черты были смутно знакомыми, будто виденными когда-то на старых иконах или в рассказах бабушек.

— Волхв, — прошептала Услада. — Древний волхв, служивший здесь до крещения.

Лицо существа было серым, как пепел, глаза — сплошь белые, без зрачков, а губы шевелились, произнося что-то беззвучное, будто существо продолжало вести службу, начатую сотни лет назад и так и не законченную.

— Оно нас видит? — спросил Мирко шёпотом.

Как только он произнёс эти слова, белые глаза существа вдруг остановились, будто фокусируясь именно на них, стоящих за окном. Беззвучные губы замерли, а потом раздался голос — сухой, шелестящий, будто ветер в осенней листве:

— Пришедшие к чёрному дубу... поворачивайте назад... не ваш это путь...

Услада почувствовала, как холод пробирает до костей, но заставила себя ответить:

— Мой путь, старец. Я дочь той, что должна была прийти к дубу тридцать три дня назад.

Белые глаза существа моргнули — медленно, будто с усилием, давно позабытым.

— Кровь знахарки... — прошелестел голос. — Слышу зов крови... Но не время ещё, дитя. Не время.

— Время истекает, — возразила Услада. — Осталось меньше двух ночей, чтобы закрыть открывшуюся дверь.

Существо в часовне вдруг задрожало, будто от боли, а зеленоватое свечение вокруг него замерцало сильнее.

— Дверь не закрыть... одним лишь обрядом... — прошелестел голос слабее прежнего. — Морена ждёт большего... ждёт того, что твоя мать не смогла дать...

— Чего именно она ждёт? — спросила Услада, но существо уже теряло очертания, растворяясь в зеленоватом сиянии, будто силы его иссякли от долгого разговора.

— Спроси у дуба... — донёсся последний, едва слышный шёпот. — Дуб знает всё... дуб помнит уговор от начала...

Свечение погасло резко, будто задули свечу. Часовня погрузилась в темноту, и в наступившей тишине стало слышно лишь их собственное учащённое дыхание.

— Что это было? — прошептал Мирко, отступая от оконца.

— Древний дух, привязанный к этому месту, — сказал Ярополк, тоже отступая на шаг. — Такие встречаются в старых преданиях — стражи, что не могут покинуть свой пост даже после смерти, пока их служба не окончена по всем правилам.

— Он сказал спросить у дуба, — задумчиво произнесла Услада. — Значит, там, у чёрного дуба, я узнаю больше, чем рассказал мне дед Ждан.

— Или больше опасностей, чем ты готова встретить, — мрачно добавил Ярополк.

Они отошли от заброшенной часовни, снова следуя вдоль русла ручья. Лес становился всё гуще, деревья — всё старше, стволы некоторых были такими толстыми, что трое взрослых, взявшись за руки, едва смогли бы их обхватить.

— Долго ещё? — спросил Мирко, чей голос всё ещё дрожал после встречи в часовне.

— Дед Ждан говорил — как увидим три сросшихся берёзы, дуб уже недалеко, — ответила Услада.

Они прошли ещё немного, и впереди, в темноте, действительно проступили очертания трёх берёз, стволы которых у самого основания срослись в один, образуя странную, неестественную форму, будто природа сама предупреждала о близости чего-то нечеловеческого.

— Вот они, — сказал Ярополк, останавливаясь. — Значит, дуб рядом.

Услава почувствовала, как сердце забилося быстрее — не только от страха, но и от осознания того, что через несколько минут она встретится с силой, забравшей её мать, и с самой возможностью узнать правду о судьбе, которую та выбрала для себя тридцать три дня назад.

— Идём, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Осталось недолго.

Они миновали сросшиеся берёзы, и лес впереди начал редеть, открывая небольшую поляну, залитую бледным лунным светом, пробивавшимся сквозь тонкие облака. А в центре поляны, чёрный на фоне серебристой травы, стоял древний, огромный дуб — тот самый, у которого предки заключили уговор с богиней смерти.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Чёрный дуб

Дуб был древним настолько, что казался скорее частью самой земли, чем растением — ствол его, чёрный, будто обугленный, хотя следов огня нигде не было видно, уходил в высоту так, что верхушка терялась во тьме ночного неба. Корни, толстые, как человеческое тело, змеились по земле во все стороны, некоторые уходили в глубину, другие торчали над поверхностью, образуя причудливый лабиринт.

— Никогда не видел такого дерева, — прошептал Мирко, останавливаясь на краю поляны. — Даже старый дуб у болота, который дед называл столетним, рядом с этим — саженец.

Услада шагнула на поляну, чувствуя, как трава под ногами странно холодна, несмотря на летнюю ночь. Костяная печать на её груди вдруг потеплела, будто откликаясь на близость дерева.

— Осторожнее, — предупредил Ярополк, идя следом. — Место силы редко бывает безопасным, даже для тех, кто пришёл с добрыми намерениями.

Они подошли ближе к дубу, и Услада заметила у самого основания ствола небольшое углубление, похожее на нишу, вырезанную в коре руками человека много поколений назад. В нише лежали остатки старых подношений — истлевшие ленты, позеленевшие от времени монеты, высохшие цветы, превратившиеся в труху.

— Здесь заключали уговор, — сказала Услада, опускаясь на колени перед нишей. — Дед Ждан говорил, что нужно оставить дар и произнести слова, которые он мне передал.

— Какие слова? — спросил Мирко.

Услада достала из-за пазухи узелок с травами деда Ждана и, следуя его наставлениям, высыпала небольшую горсть на землю у корней дуба.

— Морена, хозяйка границы, — произнесла она, чувствуя, как голос дрожит, несмотря на все усилия держаться твёрдо. — Я, Услада, дочь Радости, пришла закончить то, что не успела завершить моя мать. Прими эту дань и укажи путь, чтобы дверь между мирами закрылась вновь.

Тишина повисла над поляной такая плотная, что казалось — сам воздух затаил дыхание. Потом земля под их ногами едва заметно дрогнула, и от ствола дуба, будто прорастая прямо из коры, начали появляться тонкие, светящиеся бледно-зелёным светом нити, похожие на паутину.

— Что происходит? — прошептал Мирко, отступая на шаг.

— Не знаю, — призналась Услада. — Дед Ждан не рассказывал, что должно случиться после слов.

Нити разрастались, оплетая ствол дуба всё гуще, а потом стали собираться в одном месте, у самой ниши, где Услада оставила подношение, формируя очертания — сначала неясные, потом всё более отчётливые.

Фигура, сотканная из светящихся нитей, приобретала знакомые черты — женское лицо, худощавая фигура в простом крестьянском платье, волосы, заплетённые в косу так, как всегда носила их одна женщина в Олышанке.

— Мама, — выдохнула Услада, чувствуя, как к горлу подступают слёзы.

Фигура матери — призрачная, светящаяся, но узнаваемая до последней чёрточки — повернула голову, и на лице её отразилось выражение боли и облегчения одновременно.

— Услада, — произнесла она голосом, который девушка не слышала уже три дня, но который узнала бы среди тысячи других. — Ты пришла. Значит, ещё не всё потеряно.

— Мама! — Услада бросилась вперёд, но Ярополк удержал её за плечо.

— Постой. Мы не знаем, безопасно ли прикасаться к ней в таком состоянии.

Призрачная Радогость грустно улыбнулась.

— Твой спутник прав, дитя моё. Я не могу больше обнять тебя, как раньше — я застряла между мирами, ни живая, ни ушедшая до конца. Прикосновение сейчас может причинить нам обоим боль, которой я не хочу для тебя.

Улада остановилась, слёзы текли по её щекам беспрепятственно.

— Мама, что случилось? Почему обряд не завершился?

Радогость вздохнула — звук, странный для существа из света, но в нём слышалась вся человеческая усталость.

— Хворь пришла раньше срока, дитя моё. Я готовилась уйти чисто, в означенный час, через месяц после нашего последнего разговора с Жданом. Но болезнь, которую я не распознала вовремя — а ведь я знахарка, должна была почуять её раньше — забрала меня тело прежде срока. Душа моя не успела пройти путь до конца, застряла на границе.

— Как нам это исправить? — спросил Ярополк, выступая вперёд. — Что нужно сделать, чтобы завершить обряд?

Радогость посмотрела на дружинника с интересом.

— Ты не из Олышанки, воин. Кто ты, что пришёл с моей дочерью в это место?

— Ярополк, дружинник князя. Прислан разобраться с нежитью, что тревожит деревню.

— Значит, беда уже дошла до города, раз прислали воина издалека. — Радогость снова обратила взгляд к дочери. — Слушай внимательно, Улада, ибо повторить это я смогу не много раз, силы мои тают с каждым словом.

— Я слушаю, мама.

— Морена не примет незавершённый обряд просто так. Моя душа застряла, но сама я не могу пройти границу — для этого нужен живой проводник, тот, кто добровольно проведёт меня через порог, отдав частицу собственной силы жизни.

— Частицу силы? — Улада почувствовала, как холод страха охватывает её. — Это опасно для проводника?

Радогость помедлила с ответом, и это молчание было красноречивее любых слов.

— Опасно, дитя моё. Тот, кто станет проводником, рискует остаться связанным с границей мира мёртвых до конца своих дней — не умрёт, но и не будет жить полной жизнью, будет ходить по краю, видя то, что не должны видеть живые, слыша голоса, что не предназначены для человеческих ушей.

— Я стану проводником, — сказала Улада без колебаний.

— Улада, нет, — вмешался Мирко, впервые заговоривший с момента появления призрака. — Ты не знаешь, что это значит на самом деле.

— Знаю достаточно, чтобы понимать — это моя мать, и это моя ответственность.

Радогость посмотрела на дочь с гордостью и болью одновременно.

— Ты вся в меня, дитя моё, упряма до крайности. Но прежде чем ты решишься, выслушай остальное. Если ты станешь проводником и проведёшь мою душу через границу, обряд завершится, но уговор с Мореной на этом не закончится.

— Что ты имеешь в виду?

— Раз в поколение деревня платит дань. Моя смерть, даже завершённая правильно, погашает лишь мой собственный долг перед Мореной. Но следующая дань, через тридцать три года, всё равно потребует, если уговор останется в силе.

Ярополк нахмурился.

— Значит, даже если мы всё исправим сейчас, через поколение кто-то ещё должен будет прийти к этому дубу и добровольно отдать свою жизнь?

— Именно так было устроено предками, — подтвердила Радогость. — Но есть и другой путь, о котором знает лишь дуб, а не я. Путь, что может разорвать уговор навсегда, освободив Олышанку от этой дани раз и навсегда.

— Какой путь? — быстро спросила Услава.

Радогость посмотрела в сторону чёрного ствола дуба, будто прислушиваясь к чему-то, недоступному их ушам.

— Дуб говорит, что для разрыва уговора нужна не смерть, а нечто иное — истинная жертва, отличная от той, что предки считали необходимой. Но подробностей я не знаю, дитя моё, эта тайна скрыта глубже, чем моя память способна достать.

Внезапно фигура матери начала мерцать, светящиеся нити, из которых она была соткана, стали истончаться.

— Мама! Что происходит?

— Мои силы иссякают, — прошептала Радогость, голос её слабел с каждым словом. — Я не могу оставаться в этой форме долго. Слушай меня внимательно, Услава, времени почти не осталось.

— Я слушаю!

— Если решишь стать проводником — приходи сюда следующей ночью, в час, когда луна встанет прямо над дубом. Принеси с собой три вещи: прядь своих волос, каплю крови и последнее слово, которое хочешь мне сказать, ведь оно свяжет нас крепче любого обряда.

— А если не приду?

Фигура матери грустно улыбнулась в последний раз, черты её лица уже почти растворились в свете.

— Тогда через одну ночь дверь откроется полностью, и вся нежить, скопившаяся под этой землёй за века неправильных смертей, хлынет на Олышанку. И я, дитя моё, не смогу остановить это, застряв на границе навсегда, обречённая смотреть, как гибнет всё, что мне дорого.

С этими словами светящиеся нити рассыпались, растворяясь в ночном воздухе, и поляна снова погрузилась в темноту, нарушаемую лишь бледным светом луны, пробивавшимся сквозь кроны деревьев.

Услава упала на колени перед корнями дуба, слёзы текли по её лицу беспрепятственно. Мирко подошёл, опустился рядом, положил руку ей на плечо, не говоря ни слова утешения — просто был рядом.

Ярополк стоял чуть в стороне, глядя на дуб задумчивым, встревоженным взглядом.

— Услава, — сказал он наконец, — прежде чем ты решишь стать проводником, нужно узнать больше об этом ином пути, о котором говорила твоя мать. Разрыв уговора навсегда — это шанс спасти не только тебя от участи ходить по краю миров, но и всю деревню от повторения этого кошмара через поколение.

— Как нам узнать больше? — спросила Услава, вытирая слёзы. — Дуб не говорит с нами напрямую.

— Может, дед Ждан знает больше, чем сказал сначала, — предположил Мирко. — Или в деревне есть другие старики, помнящие предания глубже, чем принято рассказывать детям на ночь.

Услава поднялась с колен, взгляд её стал твёрже, полный новой решимости.

— Тогда возвращаемся в деревню. Нужно поговорить с дедом Жданом ещё раз, и на этот раз потребовать всей правды, без утайки.

Они покинули поляну чёрного дуба, когда небо на востоке уже начинало сереть, предвещая рассвет. Позади них дерево стояло неподвижно, чёрное и молчаливое, храня в своих древних корнях тайну, способную либо спасти Олышанку, либо обречь её на вечное повторение кровавой дани.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Знаки на воротах

Ольшанка встретила их предрассветной тишиной, нарушаемой лишь редким лаем собак да скрипом колодезного ворота у соседнего двора — того самого, куда теперь ходили за водой вместо колодца кузнеца. Услава, Мирко и Ярополк вошли в деревню с восточной стороны, стараясь держаться в тени изгородей, но их всё равно заметили — у ворот избы старосты уже толпились люди, а сам Влас стоял на крыльце, багровый от гнева.

— Явились, — процедил он, завидев их. — Где вас носило всю ночь? Половина деревни на ногах, ищут вас, думая, что и вас нежить утащила.

— Мы были в лесу, — сказала Услава, не видя смысла лгать дальше. — У чёрного дуба.

По толпе прошёл ропот. Кто-то из стариков перекрестился, кто-то отступил на шаг, будто сами эти слова были заразы.

— Ты с ума сошла? — Влас спустился с крыльца, лицо его исказилось смесью ярости и страха. — Кто тебе позволил ходить туда?

— Никто не позволял. Я сама решила, потому что кто-то же должен был исправить то, что твои предки натворили тридцать три поколения назад!

Влас замер, будто получил пощёчину. Толпа вокруг зашумела ещё сильнее.

— О чём она говорит, староста? — крикнул кто-то из мужиков. — Какие ещё предки, какой уговор?

Влас понял, что отступать поздно — слишком много людей услышали слова Уславы, слишком много вопросительных взглядов обратилось к нему.

— Не здесь, — процедил он сквозь зубы. — Зайдём внутрь, все, кто причастен.

Они прошли в горницу старосты — Услава, Мирко, Ярополк, а следом, против воли Власа, протиснулись ещё несколько старейшин деревни, включая деда Ждана, которого кто-то из соседей привёл под руку, разбудив по такому случаю.

— Рассказывай, — потребовал один из старейшин, седобородый Путята, глядя на Власа в упор. — Что за уговор такой, о котором молодая девка знает больше нашего?

Влас долго молчал, потом тяжело опустился на лавку, будто ноги отказались его держать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Слушайте правду, которую род мой хранил семь поколений.

Он рассказал то же самое, что уже говорил дед Ждан — про мор, про уговор с Мореной, про дань раз в поколение. Но добавил и то, чего не знала прежде Услава.

— Мой дед, заключавший последний до нынешнего уговор, рассказывал мне на смертном одре, что каждый раз, когда дань уходит правильно, деревня получает не просто защиту от мора. Она получает урожайные годы, здоровых детей, удачу в делах на все тридцать три года вперёд. Отказаться от уговора — значит отказаться и от этого достатка.

— Значит, ты знал, что мать Уславы идёт на смерть, и молчал, потому что боялся потерять благополучие деревни? — гневно спросил Ярополк.

— Я знал, что она вызвалась сама, добровольно, — огрызнулся Влас. — Это не убийство, а древний обычай, старше самой деревни!

— Обычай, который превратил мою мать в незавершённую жертву, застрявшую между мирами! — воскликнула Услава. — Обычай, из-за которого по деревне бродит нежить, а Мирко чуть не погиб в колодце!

Дед Ждан, до этого молчавший, поднял руку, призывая к тишине.

— Услава права в одном, — сказал он. — Договор с Мореной изначально был заключён не по доброй воле предков, а от отчаяния перед лицом мора. Но есть кое-что, о чём я не рассказывал тебе прежде, дитя моё, потому что не был уверен, что ты готова услышать это.

Все взгляды обратились к слепому старику.

— Говори, — потребовала Услава.

— Уговор можно разорвать не только ценой смерти, — медленно произнёс дед Ждан. — Есть иной путь, о котором знали лишь самые древние волхвы, задолго до того, как род Власа взял на себя хранение этой тайны.

— Какой путь? — быстро спросил Влас, и в его голосе Услава уловила искреннее удивление — значит, староста действительно не знал этого.

— Путь искупления через прощение, — сказал дед Ждан. — Морена не всегда была богиней лишь смерти. В самых старых преданиях она звалась также хранительницей перехода, той, кто помогает душам найти покой, а не пожирает их бездумно. Уговор превратил её в требовательную силу, жаждущую регулярной дани, потому что предки обращались к ней со страхом и торговлей, а не с уважением и пониманием.

— Ты хочешь сказать, что можно попросту договориться с ней иначе? — недоверчиво спросил Мирко.

— Не попросту. Это потребует величайшей жертвы иного рода — не жизни, а чего-то не менее ценного. Возможно, придётся отдать то, что дорого сердцу больше самой жизни, или совершить деяние истинного милосердия там, где предки предпочли бы месть или страх.

Услава почувствовала, как в груди зарождается слабая, но упрямая надежда.

— Что именно нужно сделать? Ты можешь сказать точнее?

Дед Ждан покачал головой.

— Точнее не могу, дитя моё, ибо сам не проходил этот путь и лишь слышал о нём от своего учителя, а тот — от своего. Каждое поколение эта возможность забывалась всё больше, вытесняемая привычной, более простой данью кровью.

В горнице повисла тяжёлая тишина. Влас сидел, обхватив голову руками, впервые за весь разговор выглядя не властным старостой, а испуганным человеком, осознавшим, что унаследованная им тайна куда сложнее и опаснее, чем он предполагал.

— У нас есть только одна ночь до истечения срока, — сказал наконец Ярополк, нарушая молчание. — Услава должна выбрать — либо стать проводником для завершения обряда матери обычным путём, рискуя остаться связанной с границей миров навсегда, либо попытаться найти этот неизвестный путь искупления, о котором никто толком не знает.

— А если ни то, ни другое не сработает? — тихо спросил Мирко.

Ответом ему было молчание — тяжёлое, гнетущее, полное невысказанного страха перед тем, что может случиться, если следующей ночью дверь между мирами откроется полностью.

Услава поднялась с лавки, подошла к окну. За стеклом уже светало, деревня просыпалась к новому дню — последнему дню перед тем, как решится судьба Ольшанки.

— Мне нужно подумать, — сказала она, не оборачиваясь. — И мне нужно поговорить с матерью ещё раз, узнать, что она думает об этом ином пути.

— До следующей ночи, — напомнил дед Ждан. — Больше времени у нас нет.

Услава кивнула, всё ещё глядя в окно. На воротах соседнего двора, она вдруг заметила, что-то странное — тонкие царапины на дереве, складывающиеся в узор, похожий на тот, что был на костяной печати с кладбища. Она пригляделась внимательнее и похолодела — такие же знаки виднелись теперь на воротах через два двора, и ещё через один, будто кто-то или что-то метило дома этой ночью, пока все спали.

— Дед Ждан, — сказала она напряжённо, — подойди к окну. Хотя нет, прости, ты не видишь. Опишу тебе — на воротах появились знаки, похожие на резьбу с моего берега.

Старик нахмурился.

— Опиши подробнее, дитя моё. Какой формы знаки?

— Будто крылья, распростёртые крылья, только процарапанные, не резные.

Дед Ждан побледнел так, что даже Влас, не отличавшийся особой чуткостью, заметил перемену в его лице.

— Что это значит? — спросил староста.

— Это значит, — тихо ответил дед Ждан, — что Морена уже начала выбирать себе новую дань. Эти знаки отмечают дома, где живут те, кого она сочла подходящей заменой, раз законная дань не пришла в срок.

Услава почувствовала, как кровь стынет в жилах.

— Сколько домов помечено?

Она снова выпянула в окно, считая знаки на воротах, насколько хватало взгляда.

— Три, что я вижу отсюда. Может, больше.

— Чьи это дворы? — спросил Ярополк, подходя к окну рядом с ней.

Услава вгляделась внимательнее, узнавая знакомые изгороди.

— Кузнеца Радима, — сказала она медленно, и сердце её сжалось. — Дом Мокрины, той, что первой нашла разрытую могилу. И... — она замерла, увидев третий двор, — и дом тётки Гостены.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Голос из колодца тьмы

Весть о знаках на воротах разнеслась по деревне быстрее утреннего света. К полудню у избы старосты собралась уже вся Олышанка — испуганные, растерянные люди требовали объяснений, а трое помеченных семей стояли в первых рядах, бледные от ужаса.

— Что это значит? — кричала жена кузнеца, прижимая к себе младшего сына. — Почему на наших воротах эти знаки?

Дед Ждан, стоявший на крыльце рядом с Власом, поднял руку, призывая к тишине.

— Слушайте меня, люди Олышанки. То, что происходит сейчас — следствие древнего уговора, который наши предки заключили с силой, что зовётся Мореной. Уговор был нарушен не по чьей-то злой воле, а по стечению обстоятельств, и теперь эта сила ищет замену несостоявшейся дани.

— Замену? — Радим шагнул вперёд, лицо его потемнело от гнева и страха. — Ты хочешь сказать, что кто-то из наших семей должен умереть вместо знахарки?

— Не обязательно умереть, — попыталась вмешаться Услава, стоявшая чуть в стороне. — Есть ещё путь исправить всё без новой смерти.

— Какой путь? — воскликнула Мокрина. — Говори прямо, девка, не тяни!

Услава замаялась, не зная, как объяснить неопределённость иного пути толпе, охваченной паникой.

— Мы ещё не знаем точно, — призналась она честно. — Дед Ждан говорит о пути искупления через прощение, но подробностей не знает никто.

Толпа зашумела ещё сильнее, страх сменялся злостью, а злость искала виноватого.

— Это всё из-за неё! — крикнул кто-то. — Из-за дочери ведьмы, что нарушила покой матери, копаясь в старых могилах!

— Не она нарушила уговор! — вступился Мирко, выходя вперёд. — Уговор нарушила болезнь, что забрала её мать раньше срока! Услава как раз пытается всё исправить!

— А может, стоит просто отдать её саму Морене? — раздался чей-то злой голос из толпы. — Она же дочь знахарки, кровь той же линии, может, сгодится вместо матери!

Услава похолодела, услышав эти слова. Толпа притихла на мгновение, будто обдумывая предложение, и от этой тишины стало ещё страшнее, чем от криков.

— Не смей! — рявкнул Ярополк, выступая вперёд с рукой на рукояти меча. — Никто не тронет эту девушку, покуда я стою здесь как представитель княжьей власти. Решать судьбу людей толпой, поддавшись панике — прямой путь к беззаконию и убийству.

— А что ты предлагаешь, дружинник? — крикнул тот же голос из толпы, теперь Услава разглядела говорившего — это был Кузьма, тот самый дед, у которого они с Мирко когда-то воровали яблоки. — Сидеть и ждать, пока эта тварь заберёт наших детей?

— Я предлагаю дать Усладе время до вечера, чтобы найти истинный путь искупления, — твёрдо сказал Ярополк. — А пока — укрепить те дома, что помечены, и приготовиться защищаться, если понадобится.

Влас, до этого молчавший, наконец заговорил, голос его звучал устало, но твёрдо.

— Дружинник прав. Мы не станем убийцами собственных соседей из страха. Олышанка веками платила дань добровольно, а не путём насилия над своими же людьми. Расходитесь по домам, укрепляйте двери и окна, а к вечеру соберёмся снова.

Толпа неохотно начала расходиться, но многие бросали на Уладу взгляды, полные не то жалости, не то затаённой злобы — страх делал людей непредсказуемыми, и Услава понимала, что ещё одна беда может обернуть деревню против неё окончательно.

Когда площадь опустела, к Усладе подошла тётка Гостена — бледная, с тёмными кругами под глазами после бессонной ночи, но полная решимости.

— Услава, — сказала она тихо, — я знаю, что мой дом помечен. И я хочу, чтобы ты знала — если понадобится, если не найдётся иного пути, я готова.

— Готова к чему? — Услава почувствовала, как холод сковывает грудь.

— Занять место твоей матери. Я одна из немногих в этой деревне, у кого нет ни мужа, ни детей, что останутся сиротами. Моя смерть причинит меньше горя, чем смерть Радима или Мокрины, у которых семьи.

— Нет! — Услава схватила тётку за руки. — Я не позволю тебе даже думать об этом. Мы найдём другой путь, я обещаю.

— А если не найдёте?

Услава не смогла ответить, слёзы душили горло. Гостена мягко высвободила руки, погладила племянницу по щеке.

— Не плачь, дитятко. Пока ещё есть время, и ты права — нужно искать иной путь. Но обещай мне, что если время выйдет, а путь не найдётся, ты не будешь корить себя за мой выбор.

— Не проси меня об этом.

— Прошу. Потому что люблю тебя, как родную дочь, а любящее сердце иногда должно уметь отпустить.

Гостена ушла, оставив Усладу стоять посреди опустевшей площади с тяжестью в груди, которая, казалось, никогда больше не отпустит. Мирко подошёл, встал рядом, не говоря ни слова — просто разделяя тяжесть момента своим молчаливым присутствием.

— Нужно найти этот путь искупления, — сказал наконец Ярополк, подходя с другой стороны. — И найти его нужно быстро.

— Дед Ждан не знает подробностей, — напомнила Услава. — Он сам сказал.

— Тогда, может быть, знает кто-то другой. — Ярополк задумчиво посмотрел в сторону леса. — Ты говорила, что видела в часовне древнего волхва. Может, есть и другие подобные духи, привязанные к этим местам, что помнят больше, чем дед Ждан успел узнать от своего учителя.

— Возвращаться в лес засветло? — с сомнением спросил Мирко.

— У нас нет выбора, — сказала Услава, чувствуя, как решимость снова берёт верх над отчаянием. — Если есть хоть малейший шанс найти истинный путь искупления и спасти тётку Гостену, Радима и Мокрину от участи моей матери — я обязана попытаться.

Она посмотрела на солнце, клонившееся к полудню, прикидывая, сколько времени осталось до заката, до той решающей ночи, когда либо откроется дверь между мирами, либо, если получится, закроется навсегда.

— Собираемся снова, — сказала она. — На этот раз пойдём не к чёрному дубу сразу, а поищем другие следы старой веры в этом лесу — капища, святилища, что угодно, что может хранить память о пути искупления.

— А если не найдём ничего до заката? — тихо спросил Мирко.

Услава не ответила сразу, глядя на далёкую линию леса, тёмную и молчаливую, хранящую в себе тайны, которые могли спасти или погубить всех, кого она любила.

— Тогда я стану проводником для матери, как она просила, — сказала она наконец. — И приму последствия, какими бы они ни были. Но сначала я попытаюсь найти способ, чтобы никому больше не пришлось платить эту страшную цену.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Поиски в чаще

Солнце ещё стояло высоко, когда они снова вошли в лес — теперь не таясь, открыто, взяв с собой лопату, верёвку и немного еды на случай, если поиски затянутся до темноты. Дед Ждан остался в деревне — без зрения он не мог помочь в поисках новых святилищ, — но перед уходом дал последний совет.

— Ищите там, где растёт омела на старых деревьях, — сказал он. — Или где ручьи сходятся в одну точку. Такие места предки считали особенно близкими к миру иному, там же ставили и малые капища, помимо главного у чёрного дуба.

— А если и там ничего не найдём? — спросил Мирко.

— Тогда, дитя моё, придётся положиться на решение Услады и на милость сил, которых мы не до конца понимаем.

Теперь, шагая по лесу при свете дня, Услава замечала то, что не видела ночью — приметы, на которые указывал дед Ждан. Действительно, некоторые старые дубы и вязы были густо оплетены омелой, а в паре мест лесные ручьи и правда сходились, образуя небольшие заводи.

— Здесь, — сказала она, остановившись у одной из таких заводей, окружённой старыми ивами. — Дед Ждан говорил про слияние ручьёв.

Они обыскали заводь и её окрестности, но не нашли ничего, кроме обычных лесных примет — птичьих гнёзд, звериных троп, старого кострища, оставленного, вероятно, охотниками много лет назад.

— Ничего, — вздохнул Мирко, отряхивая руки от земли после безуспешной попытки раскопать подозрительный холмик, оказавшийся просто муравейником.

— Идём дальше, — сказала Услава, стараясь не поддаваться разочарованию. — Дед Ждан говорил и про омелу.

Они двинулись глубже в чащу, следуя за редкими пятнами омелы на старых стволах, и через час пути вышли к поляне, заросшей высоким папоротником, в центре которой стоял покосившийся, полуразрушенный истукан — деревянная фигура, почерневшая от времени и непогоды, изображавшая, судя по всему, женскую фигуру с воздетыми руками.

— Вот оно, — прошептала Услава, чувствуя, как знакомое покалывание охватывает грудь там, где под рубахой лежала костяная печать. — Ещё одно капище.

Ярополк подошёл ближе, осматривая истукан с осторожностью человека, привыкшего оценивать опасность прежде, чем действовать.

— Кому посвящено, как думаешь?

— Не знаю, — призналась Услава. — Черты стёрты временем, не разобрать.

Она приблизилась к подножию истукана, где среди папоротника виднелось что-то похожее на остатки старого алтаря — плоский камень, покрытый мхом и лишайником, с едва заметными следами резьбы.

— Мирко, помоги очистить камень, — попросила она.

Вместе они сняли слой мха и грязи, обнажая резьбу — не такую древнюю, как узоры на чёрном дубе, но всё же достаточно старую, изображающую сцену, которую Услава не сразу поняла: женская фигура, склонившаяся над другой, лежащей фигурой, а между ними — переплетение линий, похожих на нити или корни.

— Что это значит? — спросил Мирко, вглядываясь в изображение.

— Не знаю, — Услава провела пальцами по резьбе, ощущая под пальцами едва заметное тепло, будто камень хранил память о чём-то важном. — Похоже на исцеление, или на... прощание.

Внезапно воздух вокруг них изменился — стал тяжелее, гуще, будто перед грозой, хотя небо оставалось ясным. Истукан, до этого казавшийся просто куском старого дерева, вдруг

словно ожил, хотя не пошевелился ни на дюйм — просто в самом воздухе вокруг него возникло ощущение присутствия, взгляда, направленного прямо на них.

— Кто нарушает покой забытого места? — раздался голос — не такой шелестящий, как у волхва в часовне, а более глубокий, женский, полный древней усталости.

Услава отступила на шаг, но тут же взяла себя в руки.

— Меня зовут Услава, дочь Радости, знахарки из Олышанки. Я ищу путь искупления, что может разорвать уговор с Мореной без новой смерти.

Долгая пауза повисла над поляной, а потом голос заговорил снова, теперь ближе, будто исходящий прямо от истукана.

— Путь искупления... давно забытые слова, дитя. Немногие ещё помнят о нём в эти дни страха и торговли кровью.

— Ты знаешь этот путь? — с надеждой спросила Услава.

— Знаю то немного, что осталось от древней мудрости. Я была берегиней этого леса, хранительницей исцеления, прежде чем страх перед мором заставил людей забыть моё имя ради более простой, кровавой сделки с Мореной.

— Расскажи нам, — попросил Ярополк, выступая вперёд. — Что нужно сделать, чтобы разорвать уговор?

Голос берегини помедлил, будто взвешивая, стоит ли доверять пришедшим.

— Уговор с Мореной был заключён из страха, а не из уважения. Морена приняла его, потому что люди пришли к ней с ужасом и мольбой, предлагая кровь взамен на защиту. Но истинная природа Морены не в жажде смерти, а в проведении душ через границу с достоинством и покоем.

— Значит, нужно предложить ей что-то иное вместо крови? — уточнила Услава.

— Нужно показать ей, что люди Олышанки способны на то же достоинство и покой, что она сама несёт душам, — сказала берегиня. — Не жертву из страха, а дар из истинного понимания и уважения.

— Какой дар? — Услава почувствовала, как надежда крепнет внутри.

— Это должен решить тот, кто придёт к ней с этим предложением. Дар должен исходить от чистого сердца, без корысти, без страха, без попытки откупиться. Возможно, это будет прощение тому, кого сложнее всего простить. Возможно, это будет отказ от того, что дорого сердцу больше жизни, но не жизнь сама по себе.

Услава задумалась, вспоминая слова матери у чёрного дуба — про частицу силы жизни проводника, про истинную жертву, отличную от смерти.

— А если дар окажется недостаточным? Что тогда будет с проводником, что понесёт этот дар Морене?

Голос берегини стал печальнее.

— Тогда, дитя моё, Морена может счесть попытку оскорблением и забрать не только несостоявшийся дар, но и того, кто его принёс, вместе с законной данью. Путь искупления рискованнее прямого обряда, но награда в случае успеха куда больше — полное освобождение от уговора для всех будущих поколений.

Ярополк переглянулся с Улавой, в его взгляде читалась и надежда, и тревога одновременно.

— Значит, если попытка не удастся, мы потеряем не только жизнь того, кто попробует, но и возможность завершить обычный обряд? — уточнил он.

— Именно так, воин. Путь искупления — это ставка всем, без права на возврат к прежнему плану, если он провалится.

Услава почувствовала, как груз ответственности ложится на плечи ещё тяжелее прежнего. Одно дело — рискнуть собственной судьбой, застряв на границе миров как проводник.

Совсем другое — рискнуть всем, поставив на кон и себя, и возможность спасти тётку Гостену, и весь обычный путь спасения, если попытка более смелого решения провалится.

— Мне нужно подумать, — сказала она тихо.

— Времени немного осталось, дитя моё, — отозвалась берегиня. — Луна встанет над чёрным дубом уже этой ночью. Выбор нужно сделать до того часа.

— Спасибо тебе за помощь, — сказала Услава искренне. — Ты дала нам больше, чем я надеялась узнать.

— Не благодари прежде времени, дитя. Помощь без верного выбора — лишь новый груз на плечи, а не облегчение. Ступайте, и пусть мудрость сопутствует вашему решению.

Присутствие берегини растворилось так же незаметно, как появилось — воздух вокруг истукана снова стал обычным лесным воздухом, тёплым от полуденного солнца, наполненным гудением редких насекомых, вернувшихся, будто по сигналу, к обычной жизни леса.

Мирко первым нарушил молчание.

— Ставка всем, без права на возврат, — повторил он слова берегини. — Это слишком опасно, Услава. Что, если попытка провалится, и мы потеряем всё разом — и тебя, и возможность спасти Гостену обычным путём?

— А что, если она удастся? — возразила Услава. — Тогда никому больше не придётся умирать, ни сейчас, ни через тридцать три года, ни через поколение после этого.

— Ты готова рискнуть всем ради такой возможности? — тихо спросил Ярополк.

Услава посмотрела на них обоих — на друга детства, готового пойти за ней хоть в самую смерть, и на дружинника, ставшего неожиданным союзником в этой борьбе, — и почувствовала, как решимость крепнет в груди, вытесняя последние сомнения.

— Готова, — сказала она твёрдо. — Потому что не могу смотреть, как тётка Гостена, или кто-то другой, снова и снова платит цену за ошибку, случившуюся много поколений назад. Если есть шанс покончить с этим раз и навсегда — я обязана его использовать.

Она посмотрела на солнце, начинавшее клониться к закату, прикидывая оставшееся время.

— Идём обратно в деревню, — сказала она. — Нужно поговорить с дедом Жданом ещё раз, рассказать ему о том, что узнали. А потом — собираться к чёрному дубу, на последнюю встречу с судьбой этой ночи.

Они покинули поляну с истуканом, и, оглянувшись напоследок, Услава заметила, что резьба на алтарном камне, до этого едва различимая под мхом, теперь светила слабым, тёплым светом, будто одобряя принятое решение или предупреждая о тяжести пути, который ещё предстояло пройти.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Тайна старосты

Когда они вернулись в деревню, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые и золотые тона. Дед Ждан ждал их у своей избы, будто почувствовал приближение задолго до того, как услышал шаги.

— Ну что, узнали что-нибудь? — спросил он, едва они подошли.

Услава пересказала всё, что узнала от берегини — про путь искупления, про необходимость истинного дара вместо страха, про риск потерять всё в случае неудачи.

Дед Ждан долго молчал, обдумывая услышанное.

— Это меняет дело серьёзнее, чем я предполагал, — сказал он наконец. — Берегиня права в одном — уговор действительно был заключён из страха, а не из мудрости. Но найти истинный дар, способный тронуть Морену настолько, чтобы она отказалась от векового обычая... это задача не из лёгких.

— У меня есть мысль, — сказала Услава медленно, — но мне нужно поговорить со старостой прежде, чем я буду уверена в ней окончательно.

— С Власом? — удивился Мирко. — Зачем?

— Потому что моя догадка касается именно его тайны, — ответила Услава. — Той, что он хранит не только про уговор, но и про что-то ещё, более личное.

Они направились к избе старосты, и по дороге Услава поделилась своими размышлениями с Ярополком и Мирко.

— Помните, что говорила берегиня? Дар должен исходить от чистого сердца, возможно, это прощение тому, кого сложнее всего простить.

— Думаешь, Влас должен кого-то простить? — спросил Ярополк.

— Или ему нужно попросить прощения у кого-то, — ответила Услава. — Дед Ждан говорил, что род Власа хранит эту тайну семь поколений. Что, если сама тяжесть этого хранения, этой лжи деревне, и есть то, от чего нужно освободиться?

Они подошли к избе старосты, где, как оказалось, Влас сидел на крыльце в одиночестве, глядя на закат тяжёлым, задумчивым взглядом.

— Явились снова, — сказал он без прежней резкости в голосе, скорее с усталостью человека, несущего груз слишком долго. — Нашли что-нибудь в лесу?

— Нашли, — ответила Услава, садясь на ступеньку рядом с ним, без спроса, но и без прежней враждебности. — И у меня есть вопрос к тебе, Влас. Личный вопрос.

Староста посмотрел на неё настороженно.

— Какой вопрос?

— Твой дед заключал последний уговор с Мореной. А кто был данью в тот раз? Кого он отправил к чёрному дубу тридцать три года назад?

Влас застыл, лицо его побледнело в свете заходящего солнца.

— Откуда такой вопрос?

— Оттуда, что берегиня в лесу сказала — путь искупления требует прощения тому, кого сложнее всего простить. И мне кажется, Влас, что эта тайна касается не только уговора вообще, но чего-то более личного для тебя.

Староста долго молчал, глядя на закатное солнце, будто ища в нём поддержки для того, что собирался сказать.

— Мою сестру, — произнёс он наконец глухим голосом. — Дань тридцать три года назад была моя старшая сестра, Забава.

Толпившиеся рядом Мирко и Ярополк переглянулись, удивлённые не меньше самой Услады.

— Твою сестру? — переспросила она тихо.

— Она была старше меня на пять лет. Красивая, добрая, все в деревне её любили. Когда пришёл срок уговора, отец мой, тогдашний староста, объявил на сходке, что нужен доброволец. Забава вызвалась сама, не раздумывая, чтобы спасти всех остальных.

— И ты позволил ей уйти? — спросил Мирко с непониманием.

— Мне было двенадцать лет, кузнецов сын! — вспыхнул Влас, впервые за разговор повысив голос. — Что я мог сделать против воли отца и решения всей деревни? Я умолял её не идти, плакал, цеплялся за подол её платья, но она лишь погладила меня по голове и сказала, что старший должен беречь младших, даже ценой собственной жизни.

Он замолчал, борясь с волнением, столь непривычным для грузного, властного старосты, каким его знала вся деревня.

— С тех пор, — продолжил он тише, — я поклялся себе, что стану старостой и сделаю всё, чтобы больше никогда ни одна семья в Ольшанке не пережила такой потери, если только смогу это предотвратить хоть какой-то ценой. Я хранил тайну уговора, потому что боялся — если люди узнают правду, они станут искать способы избежать дани, и мор снова придёт в деревню без защиты Морены.

— Но ты никогда не пытался найти этот путь искупления? — спросила Услава. — Путь, что мог бы разорвать уговор навсегда, не требуя новых жертв вроде твоей сестры?

Влас покачал головой, в глазах его блеснули непролитые слёзы.

— Я не знал, что такой путь существует. Мой отец никогда не рассказывал мне о нём, возможно, потому что и сам не знал, а может быть, потому что боялся рисковать благополучием деревни ради неопределённой возможности. Простая дань казалась ему надёжнее.

— А тебе? — тихо спросила Услава. — Тебе она тоже кажется надёжнее, даже сейчас, когда ты знаешь, что есть альтернатива?

Влас долго молчал, глядя на свои натруженные руки.

— Я не знаю, — признался он наконец честно. — Часть меня, та часть, что до сих пор помнит двенадцатилетнего мальчика, цепляющегося за подол сестры, хочет верить, что есть иной путь, способный спасти всех без новой смерти. Но другая часть, та, что тридцать лет несла бремя старосты, боится рисковать всем ради неопределённости.

— Берегиня сказала, что дар для Морены должен исходить от чистого сердца, — сказала Услава. — Может быть, твоё прощение самому себе за то, что не смог спасти сестру тогда, и есть часть того дара, что нужен сейчас.

Влас поднял на неё удивлённый взгляд.

— Прощение себе? Что это значит?

— Это значит перестать нести вину за то, в чём не было твоей вины — в решении, принятом взрослыми, когда тебе было всего двенадцать лет. И начать действовать не из страха повторения прошлого, а из искреннего желания сделать правильный выбор сейчас, когда у тебя есть власть и знание, которых не было тогда.

Староста долго молчал, обдумывая её слова, а когда наконец заговорил, голос его звучал твёрже, будто какая-то тяжесть начала спадать с его плеч.

— Что мне нужно сделать?

— Пойти с нами к чёрному дубу этой ночью, — сказала Услава. — И рассказать Морене правду о своей сестре, о своей вине, о своём желании покончить с этим уговором навсегда. Может быть, именно искренность старейшины рода, что хранил эту тайну семь поколений, и станет тем даром, что тронет её сердце.

Влас поднялся с крыльца, лицо его выражало решимость, смешанную со страхом.

— Хорошо, — сказал он. — Я пойду с вами. Пришло время закончить то, что моя семья начала много поколений назад — либо освобождением, либо окончательным провалом, но не молчаливым продолжением лжи.

Солнце почти скрылось за горизонтом, окрашивая небо в глубокий багрянец, предвещающий наступление той самой ночи, что должна была решить судьбу всей Олышанки.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Сумерки перед грозой

Пока Влас собирался, Услава отправилась проводить тётку Гостену — нужно было предупредить её о плане, дать хоть какую-то надежду перед тем, как ночь решит всё.

Гостена сидела у окна, штопая старую рубаху, будто обычные дела могли отогнать страх перед неизвестностью.

— Услава, — сказала она, откладывая иглу. — Ты нашла что-нибудь в лесу?

— Нашла путь, тётка. Не обещаю, что он сработает, но это шанс закончить всё без новой смерти.

Она рассказала о берегине, о пути искупления, о признании Власа. Гостена слушала, и лицо её постепенно светлело, хотя тревога не покидала глаз полностью.

— Значит, есть надежда, — сказала она, когда Услава закончила. — Настоящая надежда, а не просто отсрочка беды.

— Есть. Но и риск немалый. Если попытка не удастся, мы потеряем возможность и обычного обряда тоже.

Гостена взяла руки Уславы в свои, сжала крепко.

— Тогда иди и попробуй, дитяtko. Твоя мать гордилась бы тобой, узнав, что ты не оставилась на лёгком пути, а ищешь способ спасти всех.

— А если я не вернусь?

— Вернёшься, — сказала Гостена с уверенностью, которой сама, возможно, до конца не чувствовала. — Ты слишком упряма, чтобы сдаться сейчас, когда до цели рукой подать.

Услава обняла тётку крепко, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

— Спасибо тебе, тётка. За всё.

— Не прощайся так, будто это конец, — мягко упрекнула Гостена. — Скажи лучше — до встречи после этой ночи.

— До встречи, — повторила Услава, хотя в груди всё равно теснился холодок неуверенности.

Она вышла от тётки, когда сумерки уже сгустились над деревней. У избы старосты собирались остальные — Мирко с топором, всё ещё бледный, но твёрдый в решимости, Ярополк с мечом наготове, дед Ждан, опирающийся на посох, и сам Влас, переодетый в простую рубаху вместо привычного богатого кафтана старосты, будто хотел прийти к дубу не как властитель, а как обычный человек, несущий личную вину.

— Все готовы? — спросила Услава, оглядывая собравшихся.

— Готовы, — ответил за всех Ярополк. — Луна встанет над дубом через пару часов, если идти сейчас, успеем как раз вовремя.

Дед Ждан покачал головой.

— Я останусь здесь, дети. Мои старые ноги не выдержат дороги в темноте, а без глаз я буду вам скорее обузой, чем помощью в решающий момент.

— Ты уверен? — спросила Услава, чувствуя укол тревоги от того, что придётся идти без его мудрости рядом.

— Уверен. Но помни всё, чему я тебя учил, дитя моё, и доверяй своему сердцу больше, чем страху. Морена чувствует истинные намерения острее, чем любые слова.

Он протянул руку, нащупал плечо Уславы, сжал его на прощание.

— Иди с миром и верой в правильность выбранного пути.

Они выступили из деревни, когда небо потемнело окончательно, и на востоке начала подниматься луна — ещё не полная, но яркая, заливающая лес призрачным серебристым светом. Дорога через мельницу и вдоль ручья была уже знакома, и они шли быстрее прежнего, подгоняемые ощущением надвигающегося срока.

— Влас, — сказала Услава, когда они миновали заброшенную часовню, на этот раз тёмную и молчаливую, будто древний волхв внутри исчерпал свои силы после предыдущей встречи, — что ты собираешься сказать Морене, когда мы придём к дубу?

Староста долго молчал, обдумывая ответ.

— Правду, — сказал он наконец. — Всю правду о своём страхе, о своей вине перед сестрой, о том, что молчание казалось мне защитой, а на деле было лишь трусостью, прикрытой долгом.

— Это непросто — признать такое перед силой, что может уничтожить тебя за одно неверное слово.

— Непросто, — согласился Влас. — Но, может быть, именно поэтому это и есть настоящий дар — сделать то, что непросто, вместо того, чтобы прятаться за привычной ложью.

Они миновали три сросшиеся берёзы, и лес впереди начал редеть, открывая знакомую поляну с чёрным дубом. На этот раз, приближаясь при свете почти полной луны, дерево казалось ещё более зловещим — тени от его раскидистых ветвей ложились на землю причудливыми узорами, похожими на пальцы, тянущиеся к пришедшим.

— Пришли, — прошептал Мирко, останавливаясь на краю поляны.

Услава почувствовала, как костяная печать на её груди снова потеплела, отзываясь на близость дуба, и сделала первый шаг вперёд, туда, где решится судьба не только её собственная, но и всей Олышанки.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Разговор с хозяйкой границы

Поляна встретила их той же мёртвой тишиной, что и в прошлый раз, но теперь в воздухе чувствовалось что-то ещё — напряжение, похожее на затишье перед грозой, будто сам лес затаил дыхание в ожидании развязки.

Услава подошла к нише у основания дуба, где в прошлый раз оставляла подношение трав. Теперь она достала нож, данный ей Ярополком, и, следуя наставлениям матери, срезала прядь своих волос, положила её рядом с остатками прежнего дара.

— Что дальше? — тихо спросил Мирко.

— Капля крови, — ответила Услава, вспоминая слова Радогости.

Она сделала небольшой надрез на ладони, позволила нескольким каплям упасть на землю у корней дуба. Боль была незначительной, но сам жест ощущался как нечто более весомое, чем простая царапина — будто она отдавала часть себя добровольно, без принуждения.

— Морена, хозяйка границы, — произнесла она, повторяя обращение из прошлой ночи, но добавляя новые слова. — Я снова прихожу к тебе, не только чтобы завершить незаконченный обряд матери, но чтобы предложить нечто большее — искупление уговора, заключённого предками из страха, а не из уважения к тебе.

Тишина повисла над поляной, более глубокая и напряжённая, чем в прошлый раз. Потом земля дрогнула сильнее, и на этот раз светящиеся нити, появившиеся из ствола дуба, были не бледно-зелёными, как раньше, а тёмно-фиолетовыми, почти чёрными, с проблесками холодного серебра.

Фигура, сотканная из этих нитей, была иной, чем призрак Радогости — выше ростом, величественнее, с чертами лица, что менялись при каждом движении, то напоминая молодую прекрасную деву, то дряхлую старуху, то что-то среднее, лишённое возраста вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.